

18+

Йона Янссон

МАТЬ
ДВУХ
ДРАКОНОВ

Золото и пепел. Книга 2

Йона Янссон

Мать двух драконов

<https://litres.ru/74147668>

ISBN 9785006994867

Аннотация

Она думала, что родила наследника, а родила войну. Теперь Венеция, королева-регент, должна лавировать между интригами, предательством и ненавистью драконьих родов. Но главная битва ждет ее в собственном сердце — битва между матерью и королевой.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Наследник пепла	5
Глава 2. Путь скорби	25
Глава 3. Возвращение в Сердце Горы	41
Глава 4. Прибытие волков	58
Глава 5. Серебряный язык	77
Глава 6. Ярость матерей	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мать двух драконов

Йона Янссон

© Йона Янссон, 2026

ISBN 978-5-0069-9486-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1. Наследник пепла

Сознание возвращалось медленно. Оно просачивалось сквозь ватную пелену небытия тонкими, болезненными иглами, каждая из которых была воспоминанием. Грохот. Падение. Боль. Тьма.

Первым, что Венетия ощутила, была боль. Не та острая, режущая боль схваток, что рвала ее на части совсем недавно. Эта была другой — тупой, всеобъемлющей, она разлилась по всему телу, будто ее кости превратились в осколки стекла, а мышцы — в один сплошной, ноющий синяк. Она лежала на чем-то мягком, но неровном, и каждый вдох отдавался тупым ударом в ребрах.

Она с трудом разлепила веки. Мир был размытым, серым, плывущим. Потребовалось несколько долгих, мучительных секунд, чтобы зрение сфокусировалось. Она находилась в одной из боковых комнат дворца, той, что примыкала к главному залу. Вернее, в том, что от нее осталось. Потолок над головой провис, и сквозь огромную трещину сочился бледный, безрадостный свет рассвета. В стене зиял пролом, через который виднелся двор, усыпанный телами и дымящимися обломками. Воздух был тяжелым, его было больно вдыхать

— он пах гарью, кровью, сырой каменной пылью и смертью.

Вокруг нее был хаос. Несколько уцелевших служанок в изорванных, испачканных платьях метались по комнате, как тени. Кто-то пытался разжечь огонь в разбитом камине, кто-то рвал на бинты уцелевший кусок гобелена. В углу тихо стоял раненый гвардеец.

Рассвет над Багряным Пиком был цвета запекшейся крови и старого, выцветшего золота. Он не принес с собой ни нового дня, ни надежды. Лишь осветил апокалипсис. Лучи, густые от дыма и каменной пыли, пробивались сквозь рваные дыры в сводчатых потолках и через разбитые витражи, выхватывая из полумрака сцены разрушения. Воздух был тяжелым, его было больно вдыхать — он пах озоном после грозы, раскаленным камнем, гарью и смертью. Но тишина, пришедшая на смену реву битвы, была какой-то неправильной.

Это была не просто тишина. Венетия, приходя в себя, почувствовала это всем своим измученным телом. От самого камня под ней, от стен, от уцелевших башен вдалеке исходил низкий, непрекращающийся, вибрирующий гул. Он был едва слышен ухом, но проникал в самую грудь, заставляя кости резонировать в такт с этой вселенской скорбью. Это не было эхом обвала. Звучала «Драконья Скорбь» — прощальная песнь самой горы, оплакивающей гибель своих могущественных детей.

Она приподнялась на локте, преодолевая боль, и посмотрела в пролом в стене. Там, во дворе, лежали они. И она уви-

дела, что их смерть — не просто угасание плоти. Это было событие, изменившее саму природу этого места.

Кровь Випсания, вытекшая из его бесчисленных ран, не застыла бурными лужами. Она кристаллизовалась. Тысячи мелких, острых, как иглы, осколков чистого, но тусклого, неживого золота покрывали камни вокруг его тела, слабо мерцаая в утреннем свете. Казалось, сама земля исторгла из себя золото, чтобы почтить своего павшего короля.

А тело Лисистрата не остывало. Из глубоких ран на его алой чешуе все еще сочились тонкие, едва заметные струйки черного дыма, пахнущего серой. Его кровь не запекалась — она продолжала медленно тлеть, шипя при соприкосновении с утренней росой. Огонь, который был его сутью, не хотел умирать вместе с ним.

Два бога были мертвы, и сама земля, сама гора, отказывалась принять их уход, застыв в этом противоестественном, скорбном ритуале. Венетия смотрела на это, и ее личная трагедия на мгновение утонула в ощущении чего-то гораздо большего. Это была не просто гибель двух врагов. Произошел разлом в мироздании. И посреди этого разлома, в эпицентре вселенской скорби, лежала она. И ее ребенок, который был причиной и следствием всего этого.

И тут она вспомнила.

Память о последнем, самом главном событии этой ночи ударила ее с новой силой. Ребенок. Ее ребенок.

Паника, холодная и липкая, охватила ее. Она резко, пре-

возмогая боль, попыталась сесть.

— Где он? — ее голос был хриплым, едва слышным шепотом. — Где мой ребенок?!

Одна из служанок, старая женщина с седыми прядями, выбившимися из-под грязного чепца, подбежала к ней.

— Тише, госпожа, тише, — пробормотала она, ее руки дрожали. — Он здесь. С вами.

И только тогда Венетия опустила взгляд. Рядом с ней, на той же груди мехов и гобеленов, лежал крошечный сверток из окровавленного полотна. Он был так неподвижен, так тих, что у нее на мгновение остановилось сердце. Мертв. После всего этого... он родился мертвым.

Но потом сверток шевельнулся.

Венетия, не обращая внимания на боль во всем теле, поднялась на локте и дрожащими руками потянулась к нему. Она осторожно, почти со страхом, откинула край ткани и замерла.

Она знала, что он не будет обычным, и была готова ко всему — к уродству, к гибриду, к чему-то немыслимому. Но реальность превзошла все ее самые смелые и самые страшные ожидания.

Это был не человеческий младенец. Это был дракон. Крошечный, совершенный в своих пропорциях, едва ли больше ее предплечья. Его тело было еще влажным, но уже сильным, сбитым. Маленькие, еще не раскрывшиеся крылья были плотно прижаты к спине. Когти на лапах, острые, как иг-

лы, были выточены из черного обсидиана. Из приоткрытой пасти, в которой виднелись крошечные, жемчужно-белые зубы, вырывалось едва заметное облачко пара.

И его чешуя... Она переливалась, как жидкий, расплавленный металл в тусклом утреннем свете, постоянно, медленно меняя свой цвет в гипнотическом танце. В один миг она казалась чисто золотой, сияющей тем самым благородным, солнечным блеском, который был знаком отличия рода Випсания. Но в следующий миг по этой золотой поверхности, как капли крови в воде, пробежали и расплывались глубокие, багровые всполохи, окрашивая целые участки его тела в яростный, вулканический цвет рода Лисистрата.

Золото и кровь.

Венетия смотрела на своего сына, и видение из пещеры у Сердца Горы встало перед ее глазами с оглушительной, ужасающей ясностью. Золото-Алый Дракон. Он был здесь. Он был реален.

Она протянула палец и коснулась его головы. Чешуйки были гладкими и горячими, как нагретые солнцем камни. В этот момент ребенок открыл глаза. Один глаз был цвета чистого, расплавленного золота — спокойный, глубокий, древний. Другой — яркоалый, с темным, как обсидиан, зрачком — яростный, требовательный, живой.

Сын посмотрел на нее. И в этом взгляде не было младенческой бессмысленности. В нем была мудрость и мощь двух древних родов.

Венетия ахнула и отдернула руку. Но не от страха, а скорее испытыв благговейный трепет.

Она поняла с абсолютной ясностью: ее роль жертвы, пешки, разменной монеты закончилась в тот миг, когда это крошечное существо появилось на свет. Теперь у нее была новая роль. Единственная, которая имела значение.

Она — мать. И не просто ребенка, а живого пророчества. Существа, которого этот мир еще не видел. И она будет защищать его.

Венетия осторожно, преодолевая боль, взяла сверток на руки. Он был тяжелее, чем она думала. От младенца исходил сухой жар. Она прижала его к груди, и ее тело, до этого дрожавшее от холода и шока, начало согреваться от его тепла.

Она назвала его Аурел. Про себя. В тишине своего сознания, где рождалась новая, холодная, как сталь, решимость.

Она подняла голову и обвела взглядом руины. Ее больше не пугали ни смерть, ни разрушение. Она смотрела на все это как на поле битвы, которое ей только что завещали. Венетия ощущала наследницей войны, которую должен будет закончить ее сын. А до тех пор — его щитом, его мечом и его волей будет она.

Она прижала сына к себе, пряча от жестокого, разрушенного мира. Аурел. Золотой и алый. Наследник пепла. И в этот момент хрупкого, почти безумного единения, в комнату, шаркая ногами, вошла старая повитуха. Это была одна из служанок Мориньи, женщина с юга, с темной, морщинистой

кожей и глазами, полными древних, суеверных страхов.

— Госпожа... дитя... — проскрипела она, ее голос дрожал. — Его нужно омыть. Смыть кровь битвы. Пока духи не почуяли ее.

Венетия с неохотой, ревниво, ослабила хватку. Она не хотела никому его отдавать, даже на мгновение. Но старуха была права. Ритуал должен был быть соблюден.

Повитуха протянула свои дрожащие, старческие руки и взяла сверток. Она отошла к тазу с теплой водой, который принесли служанки, и, бормоча под нос какие-то древние слова на своем наречии, начала осторожно разворачивать полотно. Но внезапно ее бормотание оборвалось. Повитуха застыла, глядя на крошечное, переливающееся тело, и ее лицо, испещренное морщинами, стало маской суеверного ужаса. Она медленно, почти со страхом, протянула палец, чтобы коснуться кожи ребенка.

И тут же отдернула руку, будто обожглась.

— Горячий... — прошептала она, и ее шепот был громче любого крика в наступившей тишине. — Он горит... как уголь из самого сердца горы...

Она в ужасе посмотрела на Венетию, затем снова на ребенка. Она наклонилась, пытаясь приложить ухо к его крошечной груди, чтобы прослушать сердцебиение, как делала это сотни раз с новорожденными. Она прислушалась, и ее глаза расширились еще больше. Она отшатнулась, споткнувшись и едва не упав.

— Два... — пролепетала она, указывая на ребенка дрожащим пальцем. — Там бьются два сердца... Одно — медленное и сильное, как молот. Другое — частое, яростное, как крылья колибри... Великие Вулканы, что это?!

Она больше не видела перед собой госпожу и наследника. Она видела ведьму и ее порождение.

Старуха рухнула на колени, не обращая внимания на лужи крови и грязи на полу. Она начала раскачиваться из стороны в сторону, бормоча уже не молитву, а заклинание, оберег.

— Нечистый... нет, дважды рожденный... дитя двух огней... он принесет либо спасение, либо гибель всему... Знак на его теле... Золото солнца и кровь земли...

Эта сцена стала первым зеркалом для Венеции. Она увидела в глазах этой простой женщины отражение своего собственного, еще не до конца осознанного ужаса и благоговения. Ее сын был не просто драконом. Он был аномалией. Чудом и проклятием. Знамением, которое никто не мог расшифровать. И реакция старухи была лишь первой, слабой волной того цунами страха и поклонения, которое отныне будет сопровождать ее сына всю его жизнь.

Хрупкое, почти мистическое единение матери и сына было разорвано грубым вторжением реальности. Дверной проем, заваленный обломками, расчистили, и в комнату, спотыкаясь о камни, вошла Моринья. Она больше не была той яркой, огненной королевой. За одну ночь она превратилась в собственную тень. Ее роскошное платье стало грязными лох-

мотями, волосы сбились в седой, растрепанный узел, а лицо было серым, как пепел. На щеке запеклась длинная, уродливая царапина — след от летящего камня.

Она не смотрела на Венецию. Ее взгляд, пустой и выжженный горем, был прикован к пролому в стене, за которым виднелись залитые рассветными лучами руины двора. Там, похожий на упавшую алую гору, лежал ее сын. Лисистрат.

— Он любил этот вид, — прохрипела Моринья, и ее голос был лишен всяких эмоций. За ночь она выплакала все слезы, и теперь в ней осталась лишь выжженная пустыня. — Он говорил, что отсюда видно все его земли. До самого горизонта. Теперь его горизонт — это горстка пепла.

Она долго молчала, глядя на тело своего сына. Затем медленно, очень медленно, повернулась. Ее взгляд, до этого мертвый, наткнулся на сверток в руках Венеции. И в душе Мориньи что-то изменилось. Пустота начала заполняться. Не горем и не любовью, а чем-то иным — темным, хищным, одержимым.

— Дай мне его, — сказала она, и это была не просьба. Это был приказ, произнесенный на последнем издыхании воли.

Она протянула руки, дрожащие не от слабости, а от нетерпения. Она видела не внука, а скорее оружие. Последний шанс на месть, рожденный из пепла ее поражения.

Венеция инстинктивно прижала Аурела к себе еще крепче. Она посмотрела в горящие, безумные глаза Мориньи и увидела в них ту же собственническую ярость, что горела в

глазах ее сына. Она поняла, что эта женщина не остановится ни перед чем.

— Нет, — ответила Венетия. Ее голос был слаб, но тверд.
— Он останется со мной.

— Глупая девчонка! — прошипела Моринья, делая шаг вперед. — Ты не понимаешь! Он — кровь от крови моей! Он — Алый Змей! Я должна...

Их первая прямая конфронтация, готовая взорваться насилием, была прервана. Снаружи послышался новый шум. Это был четкий, размеренный топот сотен ног, обутых в железо. Лязг оружия. И резкие, гортанные команды на холодном северном наречии.

Моринья застыла. Ее лицо исказилось. Она узнала этот звук. Звук легионов ее заклятого врага.

— Стража! — крикнула она, но ее голос потонул в нарастающем шуме. — К оружию!

Несколько уцелевших гвардейцев в черных доспехах, сгрудившихся у входа, попытались выставить копья, создать подобие баррикады. Но это было бессмысленно.

В дверном проеме, отбросив в сторону хлипкую преграду из обломков, появились две фигуры в доспехах из синей стали, с выгравированными на кирасах золотыми уроборосами. Гвардейцы Випсания. Они не стали атаковать. Они просто заняли позиции по бокам, их лица под шлемами были непроницаемы. Они расчищали дорогу.

И в проеме появилась Гекуба. Но она не спешила. Она

вошла не в комнату к Венетии. Она прошла мимо, даже не взглянув в дверной проем. Ее цель была в другом месте. Медленным, размеренным шагом, не обращая внимания на руины и тела под ногами, она пересекла разрушенный двор. Ее черный плащ волочился по пеплу и битому камню. Ее воины следовали за ней на почтительном расстоянии.

Она остановилась перед гигантским, неподвижным телом Золотого Дракона.

Випсаний. Ее сын. Ее триумф и ее величайшая боль. Он лежал на боку, его золотая чешуя потускнела от пыли и запекшейся крови. Одно крыло было неестественно вывернуто, а в огромной ране на шее виднелись следы от когтей его брата. Он был мертв.

Гекуба стояла и смотрела на него. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она не проронила ни одной слезы. Она просто смотрела, и в этой неподвижности была бездна горя, такая глубокая и холодная, что любой, кто посмел бы сейчас нарушить ее молчание, замерз бы на месте.

Она медленно, почти благоговейно, подняла руку, облаченную в черную кожаную перчатку. Она протянула ее и коснулась его морды, проведя пальцами по остывшей, твердой чешуе у его закрытого глаза. В этот момент она была не королевой. Она была матерью, прощающей со своим ребенком. Этот жест, полный сдержанной, почти невыносимой нежности, длился лишь мгновение.

Затем она выпрямилась. И ее лицо снова стало маской из

льда. Горе ушло внутрь, превратившись в вечную мерзлоту, в топливо для ее воли.

Она повернулась к своему седому военачальнику.

— Когда все закончится, — сказала она тихо, но ее голос резал воздух, как мороз. — Подготовь ритуальный огонь. Самый жаркий. Тело Красного Змея, — она даже не удостоила взглядом лежащую поодаль алую тушу, — должно быть обращено в пепел. До последней косточки.

Военачальник молча кивнул.

— Я хочу, — продолжала Гекуба, и ее голос стал еще тише, еще безжалостнее, — чтобы этот пепел собрали. И развеяли над самым глубоким и грязным ущельем на юге. От него не должно остаться даже памяти. Стереть.

Она говорила не о теле. Она говорила о роде, стихии, самой памяти. Ее месть была не в смерти врага, а в его полном, абсолютном, историческом забвении.

Отдав приказ, она, не оглядываясь, направилась к комнате, где ждала ее последняя надежда и последняя проблема. Она шла к Венетии и ее ребенку, и теперь в каждом ее шаге была не только власть, но и твердая, ледяная клятва, принесенная над телом своего сына. Она сохранит его кровь. Любой ценой.

Она вошла в комнату Венетии, и холод, казалось, вошел вместе с ней. Не тот сырой холод руин, а сухой, пронизывающий мороз высокогорных ледников. На ней был дорожный плащ из черной шерсти, забрызганный грязью и подпален-

ный по подолу. Она пришла не с армией. За ней стояло не больше двух десятков воинов — элитный отряд, разведка, которая нашла то, что искала.

Ее взгляд, холодный и острый, как осколок льда, проигнорировал Моринью и ее бесполезный кинжал, проскользнул по изможденной, лежащей в лохмотьях Венетии и остановился на свертке в ее руках. Только он имел значение.

Она не стала тратить время на приветствия или угрозы. Она подошла к тому, что осталось от окна, и на мгновение посмотрела вниз, на тело своего мертвого сына. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Затем взгляд Гекубы переместился на тело Лисистрата, и в нем промелькнуло холодное, хищное удовлетворение.

Наконец, она повернулась к ним.

— Так вот он, — сказала Гекуба, и ее голос был спокоен. Но в этом спокойствии таилась такая ледяная ярость, что воздух в комнате, казалось, замерз и стал хрупким. — Цена, которую заплатил мой сын.

Слова Гекубы упали в мертвую тишину, как глыбы льда. Она сделала шаг к ложу, ее движение было медленным, полным несокрушимой уверенности. Она шла забрать наследие. Свою победу, оплаченную кровью ее сына.

Моринья мгновенно шагнула ей наперерез, выставив вперед кинжал. Ее лицо, до этого серое от горя, налилось багровой краской ярости.

— Не смей приближаться, ледяная ведьма! — прошипела

она, и в ее голосе клокотала ненависть, копившаяся десятилетиями. — Это земля Алого рода! И это мой внук! Кровь моего сына!

Гекуба остановилась. Она, наконец, удостоила Моринью взглядом. Это был не взгляд врага на врага. Это был взгляд хозяйки поместья на взбесившуюся цепную собаку.

— Кровь твоего сына мертва, — отчеканила она, и каждое слово было ударом молота о наковальню. — Он гниет во дворе. А это, — она кивнула на сверток в руках Венетии, — это кровь Золотого рода. Последняя капля, что осталась в этом мире. И он вернется домой. В Сердце Горы.

— Никогда! — взвизгнула Моринья, ее лицо исказилось. — Он останется здесь, на земле своего отца! Он вырастет и отомстит за него! Он сожжет твое проклятое гнездо до самого основания!

Две старые королевы, две матери, потерявшие своих сыновей, стояли друг против друга посреди руин, готовые вцепиться друг другу в глотку. Их воины замерли, положив руки на эфесы мечей, ожидая приказа, который мог бы разжечь новую войну прямо здесь, на пепелище старой. Вся история их вражды, вся боль и ненависть двух стихий сконцентрировались в этой маленькой, разрушенной комнате.

И тогда Венетия заговорила.

— Он — мой сын.

Ее голос был слаб, едва слышен на фоне их яростного шепота, но он прозвучал в наступившей тишине так громко,

как удар колокола.

Обе женщины резко повернулись к ней, на мгновение забыв о своей вражде. Венетия, опираясь на локоть, с нечеловеческим усилием приподнялась. Ее волосы, спутанные и влажные от пота, прилипли ко лбу, лицо было белым, как мел, но в ее глазах больше не было ни страха, ни покорности. В них горел холодный, твердый огонь женщины, которой больше нечего терять.

— Он не будет ничьим оружием, — продолжала она, переводя взгляд с Морины на Гекубу. Ее голос креп с каждым словом. — Он не будет вашей мстью. Он будет королем.

Она сделала паузу, собираясь с силами, чувствуя, как ребенок шевельнулся у нее на руках, будто подтверждая ее слова. Ее взгляд остановился на Гекубе.

— Вы правы. Его место — в Сердце Горы. На троне его отца.

Морины издала яростный, сдавленный звук, но Венетия проигнорировала ее, не дав ей вставить ни слова.

— Но он — не только Золотой, — она посмотрела на Морины, и в ее взгляде не было сочувствия, лишь холодный расчет. — Он наследник и Алого Пика. Его право — по крови. Он объединит два рода. Золотой и Алый. Он будет править всеми землями, от северных ледников до южных вулканов.

Она выдержала паузу, давая им осознать масштаб ее заявления.

— И я, его мать и регент, буду править вместе с ним до его совершеннолетия.

Это было чистое, отчаянное безумие. Она, обессиленная, раздавленная, окруженная врагами, диктовала условия двум самым могущественным женщинам мира. Но она знала, что у нее есть то, чего нет у них. Будущее. Воплощенное в этом крошечном, переливающимся существе.

Гекуба смотрела на нее долгим, тяжелым, изучающим взглядом. Она видела не сломленную, испуганную девочку, которую привезли в ее дворец чуть больше года назад. Она видела королеву, рожденную в огне и пепле. Она видела сталь в ее глазах, холодный расчет в ее словах. И Гекуба поняла, что эта женщина не отдаст своего ребенка. Но она поведет его в нужном направлении — к власти, к трону, к продолжению Золотого рода. Это был компромисс, но это был единственный путь, не требующий новой войны прямо сейчас, когда их силы были истощены.

— Мы выступаем немедленно, — сказала Гекуба наконец, принимая ее условия. Она повернулась к своим воинам. — Подготовьте все необходимое.

Она развернулась, чтобы уйти, ее черный плащ взметнулся, как крыло ворона.

— Она едет с нами, — добавила Венетия, ее голос стал тверже. Она кивнула на окаменевшую от ярости Мориною. — Как почетная гостья. И бабушка наследника.

Гекуба на мгновение замерла. Затем на ее тонких губах

появилась едва заметная, холодная тень усмешки. Она поняла гениальность этого хода. Взять Моринью с собой означало лишить Алый род лидера, превратить ее из опасной королевы-матери во вражеских землях в почетную заложницу под постоянным контролем. Она медленно кивнула.

Так, посреди дымящихся руин, над телами двух мертвых драконов, был заключен новый, хрупкий альянс ненависти. Три вдовы. Три королевы. И один ребенок, в чьих жилах текла война. Венетия знала, что этот хрупкий мир между двумя старыми волчицами не продлится долго. Как только они окажутся в Сердце Горы, начнется новая, тихая битва. Битва за душу ее сына. И она была к ней готова.

Решение было принято. Воздух, до этого звеневший от ненависти, наполнился суетливой, нервной деятельностью. Гекуба, не проронив больше ни слова, вышла, чтобы отдать распоряжения. Ее голос, холодный и резкий, как треск льда, разносился по разрушенному двору, организуя хаос, превращая толпу напуганных выживших в подобие дисциплинированного отряда.

Моринья осталась в комнате. Она опустилась на каменную скамью у стены, ее плечи беззвучно сотрясались. Ее ярость сменилась глухим, бессильным горем. Она проиграла. Не Гекубе. Она проиграла этой бледной, изможденной девчонке, которая только что украла у нее ее внука, ее месть, ее единственную причину жить. Она была теперь пленницей, заложницей, которую везут во вражеское логово.

Венетия не обращала на Моринью внимания. Все ее мысли были сосредоточены на сыне. Подоспевшие служанки, напуганные, но исполнительные, принесли таз с теплой водой. Венетия, преодолевая боль и слабость, сама омыла своего ребенка. Это был ее первый, священный ритуал. Она осторожно стирала с его переливающейся чешуи кровь и пепел, и он не плакал. Он лишь смотрел на нее своими разноцветными глазами, и в его взгляде была не младенческая беспомощность, а древнее, спокойное понимание. Она пеленала его не в шелка, а в куски чистого, но грубого полотна — все, что удалось найти. И с каждым прикосновением в ней крепла холодная, яростная решимость.

Сборы были воплощением абсурда и отчаяния. Солдаты двух враждующих армий, еще вчера готовые рвать друг друга глотки, теперь вынуждены были работать вместе. Гвардейцы Лисистрата, с алыми змеями на почерневших от копоти доспехах, с ненавистью смотрели на безупречно-синих воинов Гекубы, но подчинялись их четким командам. Некому было больше отдавать им приказы. Их король был мертв, а королева-мать — сломлена.

Они разбирали завалы, вытаскивая раненых и тела погибших. Они собирали уцелевшее оружие, скудные запасы еды и воды. Из обломков тронного зала, из обугленных балок и сорванных бархатных завес они соорудили паланкин для Венетии. Грубый, уродливый, он был похож скорее на гроб, чем на ложе королевы, но он мог защитить ее и ребенка от ветра

и холода.

Когда все было готово, к Венетии подошел один из военачальников Гекубы — суровый, седой воин с лицом, испещренным шрамами.

— Госпожа, пора, — сказал он, и в его голосе не было ни сочувствия, ни враждебности.

Венетию, закутанную в меха, помогли перенести в паланкин. Последней, под конвоем двух золотых гвардейцев, туда вошла Моринья. Она села на жесткую скамью напротив, ее лицо было непроницаемой маской.

Полог опустился, отрезая их от внешнего мира, погружая в тесную, душную темноту, пахнущую пылью, кровью и ненавистью.

Караван тронулся. Скрип колес, мерный топот сотен ног, лязг оружия — эти звуки стали единственной музыкой их путешествия. Венетия лежала, прижимая к себе сына, и сквозь щель в пологе смотрела на удаляющиеся руины Багряного Пика. Она видела, как черные шпили ее недавней тюрьмы тают в утренней дымке. Она покидала одни руины, чтобы вернуться в другие — в ледяной дворец, полный призраков и интриг. Но теперь она была не одна. Она везла с собой свое единственное сокровище. И свою войну.

Она знала, что этот хрупкий мир между двумя старыми волчицами, сидящими напротив, не продлится долго. Как только они окажутся в Сердце Горы, начнется новая, тихая битва. На этот раз за душу ее сына.

Она посмотрела на него. Аурел. Золотой и алый. Наследник пепла. Он спал у нее на груди, и его крошечное, переливающееся тело излучало слабое тепло.

Она прижала его к себе и прошептала так тихо, чтобы никто, кроме него, не услышал:

— Я не отдам тебя. Никому.

Путь домой только начинался.

Глава 2. Путь скорби

Скрип несмазанных колес. Мерный, тяжелый топот сотен ног. Лязг оружия. Эти три звука сплелись в монотонную, усыпляющую мелодию, которая стала мелодией их бегства. Или возвращения. Венетия уже не знала, как это назвать.

Она лежала в тесной, душной темноте паланкина, и каждый толчок на ухабах отдавался вспышкой боли в ее измученном теле. Роды, обвал, нервное потрясение — все это обрушилось на нее разом, оставив после себя лишь глухую, ноющую слабость. Но физическая боль была ничем по сравнению с той пыткой, которой подвергалась ее душа.

Паланкин был не убежищем. Он был клеткой, в которой она была заперта с двумя самыми могущественными и самыми ненавидящими друг друга женщинами мира.

Напротив нее сидела Моринья. Она не двигалась, ее руки были сложены на коленях, но Венетия чувствовала ее горе. Оно было почти осязаемым, как волны жара от потухающего костра. От нее исходил запах пыли, крови и увядания. Она смотрела в одну точку, на обивку паланкина, но видела не ее. Она видела руины своего дома и тело своего мертвого сына.

Рядом с Мориньей, идеально прямая, сидела Гекуба. Она тоже молчала. Но ее тишина была иной. Это была тишина ледника, полного скрытых трещин. Она не скорбела, а как всегда оценивала. Взвешивала. Ее взгляд, холодный и ост-

рый, был устремлен вперед, сквозь тонкую щель в пологе, туда, где за перевалами ждало ее осиротевшее королевство. Она уже строила планы. Уже вела войну в своей голове.

И между ними, между кипящим горем и ледяным расчетом, была она. Венетия. И ее сын.

Аурел спал у нее на груди, и его тепло было единственным, что казалось настоящим в этом мире призраков. Она смотрела на его крошечное, безмятежное лицо, на то, как подрагивают его веки во сне. Она видела, как переливается его чешуя даже в этом скудном свете — то вспыхивая золотом, то наливаясь багрянцем.

Венетия провела кончиками пальцев по его голове. Он был не просто ее ребенком. Он был ее единственным оружием. Ее щитом. Пока он у нее на руках, она им нужна. Обоим. Она — мать наследника, регент, ключевая фигура. Но что будет, когда он вырастет? Когда Гекуба решит, что он достаточно силен, чтобы править самостоятельно? Когда Моринья решит, что он достаточно зол, чтобы мстить? Они разорвут его на части. Они превратят его в монстра, в инструмент для своих вековых игр.

Она прижала его к себе крепче. Нет. Она не позволит. Этот маленький, спящий дракон принадлежал ей. Не им. Не их родам, не их ненависти. Ей. Она вырвала его из объятий смерти, родив посреди пепелища. И она вырвет его из их когтей, даже если для этого ей придется стать чудовищем, страшнее их обеих.

Тишина в паланкине стала ядовитой. Она была громче любого крика. Венетия закрыла глаза, пытаясь отгородиться, уйти в себя, но даже там не было покоя. Перед ее внутренним взором стояли они. Випсаний, умирающий у ее ног, с последней, невысказанной нежностью в золотом глазу. И Лисистрат, превращающийся в огненный вихрь, с торжествующей улыбкой на губах.

Она была вдовой двух драконов. И матью третьего, который нес в себе их обоих — их силу, их вражду, их проклятие. Она посмотрела на спящего сына.

«Ты — мой щит, — подумала она, и в этой мысли не было нежности, лишь холодный, жестокий расчет, которому она научилась за эту ночь. — А я буду твоим. Единственным. И пусть только попробуют тебя отнять».

Паланкин качнулся на очередном камне, и из темноты напротив сверкнули два ненавидящих взгляда. Война уже началась. И поле битвы было здесь, в этой тесной, движущейся повозке.

Ночью, когда караван остановился на привал в продуваемой всеми ветрами ложине, Венетия почувствовала, что задыхается. Воздух в палатке, пропитанный молчаливой враждой Гекубы и Мориньи, был гуще и ядовитее любого болотного тумана. Уложив наконец уснувшего Аурела, она тихо выскользнула наружу, закутавшись в плащ.

Лагерь жил приглушенной, тревожной жизнью. Воины, разбившись на небольшие группы, сидели у костров, их си-

луэты резко очерчивались на фоне пламени. Она держалась в тени, не желая привлекать внимания. Ее тянуло не к людям, а к тишине, к холодному, чистому воздуху. Но, проходя мимо одного из костров, за большим валуном, она услышала приглушенные голоса и остановилась.

Там сидели двое. Один — старый, седоусый гвардеец в синем плаще, ветеран Випсания, которого она узнала. Другой — молодой воин, почти мальчик, с диким, обожженным ветром лицом, на плечо его был накинута рваный алый плащ. Золото и кровь. Сидели у одного огня.

— ...он был одним из нас, — говорил молодой, и в его голосе слышалась мальчишеская обида. — Он не прятался за стенами. В битве у Черной Реки, когда нас почти смяли, он спикировал с небес прямо в центр их строя. Не огнем жег, нет. Просто рубился. В человеческом обличье. Его меч... он светился, клянусь тебе, старик, он светился алым огнем! Мы видели это, и страх ушел. Мы готовы были умереть за него. Потому что он был готов умереть с нами.

Венетия замерла, вслушиваясь. Он говорил о Лисистрате. Старый гвардеец долго молчал, вороша палкой угли в костре. Искры взметнулись в темное небо.

— Наш Повелитель был другим, — ответил он наконец, и его голос был глухим, полным усталой скорби. — Он был... законом. Когда он смотрел на тебя, ты чувствовал не жар. Ты чувствовал вес всей горы. Он не сражался вместе с нами. Он был той стеной, за которую мы сражались. Однажды, во вре-

мя восстания горных кланов, один из наших легионов попал в окружение. Мы думали, это конец. А потом, на рассвете, мы увидели. Он прилетел один. Он не стал сжигать их лагерь. Он просто сел на скалу над ними. И сидел. Целый день. Не двигаясь. К вечеру вожди кланов сами приползли к нему на коленях и принесли ему головы зачинщиков. Они не выдержали его взгляда. Его молчания. Это была... другая сила.

Молодой алый гвардеец фыркнул.

— Сила страха. Наш же вел за собой силой любви.

— Любовь сжигает, мальчик, — тихо сказал старик. — А закон — стоит вечно. Стоял...

Они замолчали. Венетия стояла в темноте, и ее знобило не от холода. Она только что увидела всю войну, всю трагедию своего брака глазами простых солдат. Это не была битва добра и зла. Это была битва огня и льда. Страсти и порядка. И ни одна из этих сил не была по-настоящему правой. Они обе были крайностями, которые в итоге и уничтожили друг друга.

Она посмотрела на темное небо. Где-то там, между этими двумя крайностями, она должна была найти свой путь. Путь для своего сына. Не закон и не страсть. А что-то третье. Что-то, что позволит не просто править, а жить. Она еще не знала, что это. Но разговор этих двух солдат, врагов, объединенных общим горем у костра, посеял в ее душе первое семя. Семя мира, который она когда-нибудь, возможно, сможет построить на пепле их вражды.

На исходе второго дня пути, когда караван медленно вытягивался в узкое, мрачное ущелье, известное как Глотка Дракона, произошло то, чего втайне боялись все. Тишину гор разорвал дикий, гортанный вой. Он донесся сверху, со скалистых уступов, и эхом прокатился по стенам ущелья, многократно усиленный.

— Засада! — раздался резкий крик военачальника Гекубы.

Караван мгновенно остановился. Воины Золотого и Алого родов, еще секунду назад угрюмо шагавшие порознь, инстинктивно сбились в боевой порядок, выставив щиты и копья. Их вражда была забыта перед лицом общей, смертельной угрозы.

Сверху, со скал, посыпался град камней и стрел. Большинство из них беспомощно отскакивали от тяжелых доспехов и щитов, но одна стрела нашла свою цель — молодой гвардеец Лисистрата вскрикнул и рухнул на землю с черным оперением, торчащим из горла.

— Мародеры! — прорычал седой военачальник. — Горные шакалы! Осмелели, твари!

Это были не просто разбойники. Это были представители диких горных племен, которые веками жили в страхе перед драконами, платя им кровавую дань. Теперь, когда драконы были мертвы, а их армии ослаблены, они почувствовали вкус свободы и мести.

Паланкин, стоявший в центре каравана, мгновенно стал

главной целью. Воины сбились вокруг него плотным кольцом, создав стену из щитов. Внутри все превратилось в хаос. От резкой остановки Моринья едва не упала, а Гекуба инстинктивно схватилась за рукоять спрятанного в складках платья стилета.

Аурел, разбуженный шумом, пронзительно закричал. Его крик был не криком человеческого младенца — это был яростный, требовательный визг, от которого у Венетии заложило уши.

И в этот момент, сквозь щель в пологе, она увидела, как один из мародеров — огромный, бородатый дикарь в шкурах — прыгнул со скалы прямо на крышу паланкина. Раздался треск ломающегося дерева.

Гекуба и Моринья закричали одновременно. Но их крик был разным. Крик Морињи был полон ярости. Крик Гекубы — ледяного ужаса.

Венетия не кричала. В тот миг, когда над ее головой затрещало дерево и тень врага упала на ее сына, время для нее замедлилось. Весь ее страх, вся ее апатия и скорбь сгорели в одно мгновение, уступив место одному-единственному, первобытному инстинкту.

В этот момент Аурел, до этого надрывавшийся от крика, внезапно замолчал.

И его золотой глаз — глаз Випсания — вспыхнул.

Это не было отражением света. Это была вспышка изнутри. Яркая, нестерпимая, как удар солнечного луча, отражен-

ного от ледника. На долю секунды крошечный глаз младенца превратился в миниатюрное солнце.

Мародер, уже опускавший свой топор, взревел и инстинктивно зажмурился, ослепленный. Его удар, рассчитанный с жестокой точностью, ушел в сторону. Тяжелое лезвие с оглушительным скрежетом вонзилось в деревянный пол паланкина, в дюйме от ног Венетии.

Никто, кроме нее, не понял, что произошло. Гекуба и Моринья видели лишь, что варвар необъяснимым образом промахнулся. Но Венетия видела. Она почувствовала короткую, теплую волну силы, исходящую от ее сына. Он не был просто объектом, который нужно защищать. Он сам был защитой. Даже сейчас, будучи беспомощным младенцем, в нем уже дремала несокрушимая воля его отца — Золотого Дракона.

Этот момент, эта вспышка света в темноте, дал ей то, чего ей не хватало: не просто ярость, а уверенность.

Она не стала прятать ребенка. Она не стала звать на помощь. Она посмотрела на Моринью, которая уже заносила свой кинжал, готовясь встретить врага, и ее голос прозвучал так холодно и властно, что даже огненная королева замерла.

— Дай мне его.

Моринья на секунду опешила.

— Что?

— Твой кинжал. Дай мне его. Сейчас, — повторила Венетия, и в ее глазах была такая ледяная ярость, что Моринья, не раздумывая, подчинилась. Она сунула кинжал в руку Ве-

нети.

В тот же миг крыша паланкина проломилась, и в образовавшуюся дыру, хохоча, прыгнул мародер. Его глаза, дикие и безумные, блеснули, когда он увидел трех беззащитных женщин. Он занес свой уродливый, зазубренный топор, целясь в Венетию и ее драгоценную ношу.

Он не успел.

Венетия, двигаясь с нечеловеческой скоростью, которую она сама в себе не подозревала, выбросила руку вперед. Она не целилась. Она просто ударила. Кинжал Мориньи, короткий и острый, как змеиный зуб, вошел дикарю прямо в горло, под подбородок, с влажным, хлюпающим звуком.

Хохот оборвался, сменившись удивленным хрипом. Глаза мародера расширились от шока. Он пошатнулся, выронил топор, который с глухим стуком упал на пол паланкина, в дюйме от ног Гекубы. Он схватился за рукоять кинжала, пытаясь вытащить его, и рухнул на колени, захлебываясь собственной кровью.

Венетия не отводила взгляда. Она смотрела, как жизнь покидает его тело, и на ее лице не было ни страха, ни отвращения. Лишь холодная, пустая сосредоточенность. Она только что убила человека. И не почувствовала ничего, кроме ледяного удовлетворения от того, что угроза ее сыну устранена.

Она выдернула свой кинжал из его шеи и, не глядя, протянула его обратно ошеломленной Моринье. Затем она снова склонилась над своим сыном, который, почувствовав, что

опасность миновала, затих.

Гекуба и Моринья молчали. Они смотрели не на мертвое тело, заливающее пол кровью. Они смотрели на Венетию. На эту хрупкую, изможденную девушку, которая только что без колебаний перерезала глотку врагу. И в этот момент они обе, впервые, увидели в ней не просто сосуд. Они такую же безжалостную королеву, как и они сами.

Тишину нарушила Гекуба.

— Чистый удар, — констатировала она, обращаясь не к кому-то конкретно, а скорее в пространство. — Прямо в сонную артерию, под углом вверх, к основанию черепа. Мгновенная смерть. Никакой лишней суеты. Эффективно.

В ее голосе не было ни похвалы, ни ужаса. Лишь одобрение правильно и экономно выполненной работы, как если бы она оценивала удар мясника на скотобойне.

С другой стороны к Венетии подошла Моринья. Ее глаза горели хищным, почти восхищенным огнем. Она увидела кровь, все еще покрывавшую руки Венетии, и на ее губах появилась довольная, хищная улыбка. Она вынула из рукава тонкий батистовый платок и протянула его Венетии.

— Вот, дитя, — сказала она тихо, но с глубоким удовлетворением. — Вытри руки. Первая кровь, пролитая за своего ребенка, — самая сладкая. Теперь ты одна из нас. Теперь в тебе проснулась настоящая мать. Мать дракона.

Венетия молча взяла платок. Она стояла между ними, между ледяным одобрением эффективности и горячим вос-

торгом от жестокости. Она видела, что ее поступок, рожденный из отчаяния и инстинкта, в их глазах стал чем-то иным. Для Гекубы — знаком того, что она может быть полезным инструментом. Для Мориньи — знаком того, что в ней есть «правильная», алая ярость. Она угодила обоим своим «учителям». И от этого осознания ей стало еще холоднее, чем от пронизывающего горного ветра.

Стычка в ущелье была короткой, но жестокой. Воины каравана, разъяренные первыми потерями, с яростью отбили атаку. Мародеры, не ожидавшие такого яростного и организованного сопротивления от траурной процессии, быстро отступили, оставив на скалах несколько тел и унося раненых.

Когда последние крики затихли и снова воцарилась напряженная тишина, военачальник Гекубы подошел к разбитому паланкину.

— Госпожа? — позвал он, его голос был полон тревоги. — Вы целы?

Полог откинули изнутри. Первой появилась Гекуба. Ее лицо было бледным, но спокойным. За ней — Моринья, все еще сжимавшая в руке окровавленный кинжал. И последней, опираясь на руку гвардейца, вышла Венетия. Она прижимала к себе Аурела, который снова мирно спал.

Военачальник и солдаты, увидев тело мародера у ее ног, застыли в молчании. Они переводили взгляд с убитого дикаря на хрупкую, бледную женщину, и в их глазах читалось потрясение и новое, невольное уважение.

Венетия не обратила на них внимания. Она обвела взглядом поле короткой битвы — тела своих и чужих, лужи крови на сером камне.

— Сколько мы потеряли? — спросила она, и ее голос прозвучал на удивление твердо.

— Троих, госпожа, — ответил военачальник, приходя в себя. — Двое из... Алого рода, один наш. Еще пятеро ранены.

Венетия кивнула, принимая эту информацию с холодной сдержанностью, которая поразила даже Гекубу.

— Похороните наших с честью. Раненым окажите помощь. Паланкин ремонту не подлежит. Приготовьте для меня одну из повозок с припасами. Мы выступаем через час. Ночи здесь опасны.

Она отдавала приказы — четкие, ясные, логичные. И никто не посмел ей возразить. Ни Гекуба, ни Моринья. Они молча наблюдали, как эта девочка, еще вчера бывшая лишь объектом их интриг, берет на себя командование. Она не советовалась. Она решала. И ее право решать было неоспоримым, потому что она защищала не себя. Она защищала наследника.

Ночь застала их на небольшом, открытом всем ветрам плато. Разбили лагерь, выставив двойные дозоры. Солдаты, уставшие и злые, сидели у костров, молча точа оружие. Атмосфера была гнетущей.

Венетию разместили в центре лагеря, в единственной уце-

левшей палатке, окруженной кольцом самых верных гвардейцев Гекубы. Внутри было тесно и холодно. Горела лишь одна небольшая жаровня, отбрасывая на тканевые стены дрожащие, уродливые тени.

Именно здесь, в этой временной, шаткой крепости, разыгралась следующая сцена их безмолвной войны.

Аурел проснулся и заплакал. Это был не требовательный визг, как в паланкине. Это был жалобный, почти человеческий плач ребенка, который замерз, был голоден и напуган.

Венетия тут же принялась его успокаивать, укачивать, но он не унимался.

— Он голоден, — констатировала Моринья, которая сидела в углу, закутавшись в свой плащ. Она поднялась. — У меня есть с собой фляга с теплым козьим молоком, смешанным с медом. Это лучшее средство...

— Глупости, — тут же оборвала ее Гекуба. Она сидела напротив, прямая, как статуя. — Молоко животных ослабит его кровь. Ему нужен отвар из корня лунника. Он укрепляет дух и закаляет тело. Я сейчас же прикажу приготовить.

— Ты хочешь отравить его своими ледяными травами! — вскинулась Моринья. — Ему нужно тепло! Живое тепло!

— Ему нужна дисциплина, а не бабские причитания! — отрезала Гекуба. — Ты вырастила вспыльчивого дикаря. Я выращу короля!

Они снова были готовы вцепиться друг другу в глотки над плачущим ребенком, каждая пытаясь навязать свой метод,

свой подход, свою стихию.

— Замолчите. Обе.

Голос Венетии прозвучал негромко, но он был подобен треску кнута. Обе королевы замолчали и уставились на нее.

Венетия, укачивая сына, медленно расстегнула верх своего платья. Она не покраснела, не смутилась. Ее взгляд был холоден и непреклонен. Она приложила плачущего Аурела к своей груди. Он тут же затих и с жадностью прильнул к ней.

Она подняла глаза на ошеломленных женщин.

— Ни ваше молоко, ни ваши травы, — сказала она тихо, но отчетливо. — Только мое. Пока я его мать, его будет питать только моя кровь и мое молоко. Вы обе будете лишь смотреть. Вы поняли?

Она смотрела на них — на огненную королеву юга и ледяную королеву севера. И в этот момент она была сильнее их обеих. Потому что она была не просто властью. Она была жизнью. Она была источником. И они обе, со всей их мощью и ненавистью, были абсолютно бессильны перед этим простым, первобытным актом — мать, кормящая своего ребенка.

Гекуба и Моринья молчали. Они смотрели на эту сцену, и в их глазах впервые за долгие годы появилось нечто общее. Невольное, почти ревнивое уважение к силе, которой они сами уже давно были лишены. Они поняли, что битва за этого ребенка будет гораздо сложнее, чем они предполагали.

Гекуба и Моринья молча вернулись на свои места и се-

ли, погрузившись в гнетущую тишину. Но перемирие было недолгим. Когда Аурел, насытившись, уснул на руках у матери, Моринья снова нарушила молчание. Ее голос был уже не требовательным, а вкрадчивым, хитрым.

— Он силен, — сказала она, глядя на спящего младенца. — Огонь в нем требует выхода. Мы должны дать ему имя. Истинное имя, которое будет питать его силу. Я назову его Фениксом. Ибо он, как и наш род, восстал из пепла поражения, чтобы сжечь мир.

— Глупости, — тут же отрезала Гекуба, даже не повернув головы. Ее голос был резок, как треск льда. — Пепел — это удел слабых и проигравших. Он — золото. Он — камень. Он будет носить имя первого короля нашего рода — Орион. Как самая яркая и холодная звезда на северном небе, что указывает путь и не меняет своего положения.

— Твой Орион — это имя для статуи! — огрызнулась Моринья. — Для холодного идола! Мой внук — живое пламя! Ему нужно имя, которое горит, а не светит!

— Ему нужно имя, которое внушает трепет и порядок, а не имя несуществующей птицы! — парировала Гекуба.

Они снова были готовы вцепиться друг другу в глотки, но на этот раз — из-за будущего их внука. Спор об имени был спором о его душе. Моринья хотела видеть в нем реинкарнацию яростного Лисистрата. Гекуба — улучшенную, более совершенную версию холодного Випсания. Они уже делили его, пытались вписать в свои истории, навязать ему

свою судьбу.

Венетия слушала их, и в ней вскипала медленная, холодная ярость.

— Его зовут Аурел, — сказала она.

Обе женщины замолчали и уставились на нее.

— Что? — переспросила Моринья.

— Его зовут Аурел, — повторила Венетия, глядя прямо перед собой, в темноту палатки. — Я назвала его так. Это имя не принадлежит ни вашим мертвецам, ни вашим звездам. Оно принадлежит ему.

— Это... это просто слово! — фыркнула Моринья. — В нем нет силы!

— В нем есть моя воля, — ответила Венетия. — А сейчас это единственная сила, которая имеет значение. Он не будет ни Фениксом, ни Орионом. Он не будет ничьей копией и ничьей мстью. Он будет собой. Аурелом. И вы обе будете называть его так.

Она сказала это тихо, но в ее голосе была такая несокрушимая, материнская уверенность, что они не посмели возразить. Они лишь обменялись ненавидящими взглядами поверх ее головы. Они поняли, что битва за этого ребенка будет гораздо сложнее, чем они предполагали. Их главной противницей будет не одна из них, а эта тихая, упрямая девчонка, которая почему-то решила, что имеет право голоса.

Глава 3. Возвращение в Сердце Горы

Спустя неделю мучительного пути, когда перевалы стали круче, а воздух — тоньше и холоднее, они увидели Сердце Горы. Дворец не показался внезапно. Он медленно вырос-тал из-за пиков, словно гигантский кристалл, прорастающий сквозь толщу скал. Его башни из молочно-белого, светяще-гося камня и льда казались призрачными в разреженном воз-духе. Для большинства в караване это был вид дома. Для Ве-нетики это был вид ее тюрьмы, в которую она возвращалась добровольно. Но теперь все было иначе. Она возвращалась не пленницей, а завоевательницей.

Последний отрезок пути они преодолели в гнетущем мол-чании. Новость об их приближении, несомненно, уже до-стигла дворца. Когда караван, измотанный и потрепанный, втянулся на широкую площадку перед главными воротами, их уже ждали.

Весь двор высыпал наружу. Не было ни труб, ни бараба-нов. Лишь тяжелая, гнетущая тишина. Сотни людей — со-ветники в тяжелых мантиях, придворные дамы в траурных платьях, слуги, гвардейцы — стояли плотной, безмолвной толпой. Их лица были растерянными, испуганными. Они по-терали своего повелителя и не знали, что ждет их дальше.

Караван остановился. Дверца убогой повозки, заменяв-шей паланкин, со скрипом отворилась. Первой вышла Геку-

ба. Она ступила на родную землю, и ее спина, казалось, стала еще прямее, а лицо — еще более ледяным. Она была снова хозяйкой своих владений.

Затем, опираясь на руку седого военачальника, вышла Венетия. Она двигалась медленно, все еще слабая после родов, но в ее походке не было ни капли неуверенности. Она крепко прижимала к себе сверток с Аурелом. Ее лицо было бледным и худым, под глазами залегли темные тени, но взгляд был твердым и ясным. Она обвела толпу тяжелым, оценивающим взглядом, и ропот, начавшийся было при ее появлении, тут же стих.

Они увидели ее. Свою бывшую «третью жену», предмет перешепотов и жалости. Ту, что сбежала, предала, стала причиной войны. Но они видели и то, что она держит в руках.

И, наконец, последней, под конвоем двух гвардейцев, из повозки вышла Моринья. Ее появление вызвало новую волну изумленного шепота. Мать Красного Змея. Живая. Здесь. В сердце вражеского логова. Что это значило? Перемирие? Капитуляция?

Процессия была странной, немыслимой. Три вдовы. Три королевы. Одна — хозяйка, вернувшаяся домой. Другая — пленница, символ павшего врага. И третья, самая юная, державшая в руках будущее их всех.

Венетия сделала шаг вперед, и толпа инстинктивно расступилась, образуя живой коридор. Она пошла к главным воротам, и за ней, как две тени, последовали Гекуба и Моринья.

Это был их первый выход втроем, и расстановка сил была очевидна для всех. Венетия с наследником — в центре. Гекуба, хозяйка этих земель, — справа, как опора трона. Моринья, пленница, — слева, как символ победы.

Венетия шла по знакомым гулким залам, и воспоминания нахлынули на нее. Вот галерея, где она впервые увидела фрески с драконами. Вот арка, ведущая в Сад Внутреннего Отражения, ее неудавшееся убежище. Вот поворот к покоям, где она провела столько одиноких, отчаянных ночей. Дворец не изменился. Но изменилась она.

Она видела знакомые лица. Старого казначея, который смотрел на нее с испугом и недоумением. Главного лекаря, чьи глаза были полны усталости и печали. Она даже увидела в толпе служанок испуганное лицо той, что когда-то шепталась у нее за спиной о ее «низком» происхождении. Теперь эта служанка смотрела на нее с суеверным ужасом, будто увидела призрака, вернувшегося с того света, чтобы отомстить.

Она искала в толпе лишь одно лицо, но не нашла его. Латона. Хитрая, мудрая Латона, истинная виновница этой войны, куда-то исчезла. Сбежала? Или затаилась, выжидая?

Это была демонстрация единства, пусть и фальшивого, но в данный момент — неоспоримого. Венетия шла вперед, и каждый шаг по знакомым гулким залам был шагом по ее собственному прошлому. Воспоминания нахлынули на нее, но теперь они были не теплыми и ностальгическими, а холод-

ными, как призраки, тянущие к ней свои руки из теней.

Вот галерея, где она впервые увидела фрески с драконами. Тогда она смотрела на них с детским восторгом и трепетом. Теперь она видела в них лишь жестокую хронику своей семьи — бесконечную череду битв, крови и борьбы за власть, в которую теперь был втянут и ее сын.

Она замедлила шаг, проходя мимо широкой арки, ведущей в Сад Внутреннего Отражения. На мгновение ей почудилось, будто она видит его. Випсаний. Его высокий, прямой силуэт у края зеркального пруда. Он стоит спиной к ней, неподвижный, как изваяние. Воспоминание было таким ярким, таким реальным, что у нее перехватило дыхание. Она моргнула, и видение исчезло. Сад был пуст. Холоден. Мертв, как и его хозяин.

Дальше по коридору были покои, где когда-то жила Элкмена. Из-за приоткрытой двери доносился громкий смех и звон кубков. Венетия бросила туда короткий взгляд. Комнаты не пустовали. Там уже расположился какой-то южный лорд со своей свитой, воспользовавшись суматохой. Мир не терпит пустоты. Элкмена, ее язвительная соперница, была стерта из истории этого дворца так быстро и безжалостно, будто ее никогда и не было. Эта мысль не принесла Венетии удовлетворения. Лишь холодное осознание того, как быстро все здесь, кроме самой власти.

Она отвернулась и пошла дальше. Этот короткий путь по дворцу показал ей все. Ее прошлое было полно призраков.

Ее настоящее — полно врагов. А ее будущее... ее будущее будет войной. Не только открытой, но и тайной, подковерной, за каждую печать на двери, за каждого гвардейца в коридоре.

Она вошла в тронный зал, и на ее лице уже не было ни следа слабости или воспоминаний. Лишь холодная, стальная маска королевы, готовой к битве.

Венетия остановилась в центре главного тронного зала. Золотой трон ее мужа, высеченный из цельного камня, пустовал. Он казался огромным, холодным и одиноким. Она повернулась к застывшему двору.

— Ваш Повелитель пал в битве, — ее голос, слабый, но ясный, разнесся в гулкой тишине. — Но Золотой род не прервался!

Она осторожно, торжественно, приподняла сверток, показывая всем своего сына. Аурел, разбуженный шумом, шевельнулся и издал тихий, недовольный звук.

— Перед вами — Аурел, сын Випсания, Повелителя Гор. И наследник Алого Пика по праву крови. Единственный наследник двух тронов!

Она говорила, а рядом, за ее спиной, стояли две самые могущественные женщины мира, и их молчаливое присутствие было подтверждением ее слов. В этот момент она была не просто матерью. Она была символом. Символом единства, мира и, самое главное, — законной власти.

Она знала, что это лишь начало. Что за этим молчали-

вым шоком последует сопротивление. Что впереди ее ждут интриги, предательства и, возможно, новые войны. Но, стоя здесь, на пороге своего старого дома, который теперь должен был стать ее королевством, она впервые почувствовала не страх. Она почувствовала силу. Силу матери, защищающей своего детеныша. И эту силу не мог сломить ни один дракон.

Декларация Венеции повисла в оглушительной тишине тронного зала. Сотни глаз смотрели на нее, на переливающегося золотом и алым ребенка, на двух королев-матерей за ее спиной. Шок был настолько велик, что никто не смел издать ни звука. Они видели немыслимое — союз льда и пламени, воплощенный в этом крошечном существе.

Но оцепенение не могло длиться вечно. Первым очнулся лорд Малволио, верховный советник, старый, высохший царедворец, чья верность принадлежала не личности, а закону и традициям Золотого рода. Он медленно вышел из рядов знати, опираясь на посох из черного дерева.

— Госпожа Венеция, — его голос был сухим и скрипучим, как старый пергамент. — Мы скорбим о гибели нашего Повелителя. Но закон... закон гласит, что в отсутствие прямого наследника мужского пола трон переходит к Великому Совету до тех пор, пока не будет принято решение.

Это был первый удар. Вежливый, облаченный в форму закона, но оттого не менее опасный. Он не оспаривал ее слова напрямую. Он ставил под сомнение ее право говорить от имени власти.

Венетия ожидала этого. Она посмотрела не на него, а на Гекубу. Это был их первый тест. Она ждала, выполнит ли свекровь свою часть молчаливого договора.

Гекуба сделала шаг вперед, и ее холодный взгляд заставил даже старого лорда поежиться.

— Закон, лорд Малволио, гласит, что трон переходит к Совету в отсутствие наследника, — отчеканила она. — Наследник перед вами.

— Но, ваша светлость... — начал было советник. — Его происхождение... обстоятельства...

— Его происхождение — кровь моего сына, — оборвала его Гекуба. — А обстоятельства таковы, что он — единственный, кто стоит между нами и хаосом. Или вы предпочитаете, чтобы Аргирос и Морфеус уже завтра делили эти залы, решая, кто из них повесит вас на более высоком крюке?

Угроза была прямой и безжалостной. Упоминание оставшихся братьев-драконов подействовало. По рядам лордов прошел испуганный шепот. Они знали, что гражданская война — худшее из зол.

Но тут из толпы вышел другой лорд — молодой, амбициозный, глава одного из могущественных горных кланов, чья лояльность Випсанию всегда была под вопросом.

— Мы не знаем, чья это кровь! — выкрикнул он, и его голос был полон дерзости. — Эта женщина была в плену у Красного Змея! Где гарантии, что это дитя — не бастард, рожденный от врага?!

Это было прямое оскорбление. Обвинение, которого Венеция боялась больше всего. Воздух в зале загустел. Моринья, стоявшая до этого молча, издала низкий, яростный рык, и ее рука снова легла на кинжал.

Но прежде чем она успела что-либо сказать, вперед шагнул другой лорд.

Это был лорд Терон, глава клана Железных Скал. Его лицо, обветренное и суровое, было багровым от гнева.

— Как ты смеешь, Галеан! — пророкотал он, и его голос, привыкший отдавать команды на поле боя, заставил молодого лорда вздрогнуть. — Ты ставишь под сомнение честь королевы, которая носит имя нашего павшего повелителя? Кровь Золотого Дракона священна, в ком бы она ни текла! Твои слова — это оскорбление не женщины, а самого трона!

Галеан стушевался под его натиском, но не отступил.

— Я говорю лишь о том, что думают все! — выкрикнул он, ища поддержки у других. — Нам нужны доказательства!

В этот момент в спор вмешался лорд Малволио, верховный советник. Он поднял свою сухую, похожую на птичью лапку, руку.

— Доказательства, — проскрипел он, — могут быть представлены лишь на заседании Великого Совета, как того требуют древние установления. До тех пор, любые обвинения являются лишь... частным мнением. И любая власть — временной.

Его слова были как масло, вылитое в огонь. Он не поддер-

жал никого, но своим занудным формализмом он поставил под сомнение легитимность Венетии еще сильнее, чем Галеан своим наглым выпадом. Он предлагал не решение, а бесконечную бюрократическую войну.

Венетия видела все. Она видела, как зал раскололся. Вот фракция Гекубы — старые, консервативные лорды вроде Терона, готовые защищать кровь, но не ее лично. Вот фракция «законников» во главе с Малволио, которые будут тормозить любое ее решение, ссылаясь на традиции. Вот молодые, амбициозные лорды вроде Галеана, которые почуяли слабость власти и готовы поставить на любого, кто пообещает им больше. А в тени, у стен, стояли другие. Они молчали, их лица были непроницаемы. Они обменивались быстрыми, едва заметными взглядами. Это были те, кто ждал.

Она поняла, что стоит не перед Советом, а перед стаей голодных волков, готовых вцепиться друг другу в глотку. И она была наживкой.

Венетия остановила Мориною легким движением руки. Она не собиралась защищаться. Она собиралась нападать.

Венетия медленно, с царственным достоинством, подошла к дерзкому лорду. Она остановилась прямо перед ним, глядя ему в глаза. Она была ниже его на голову, но в этот момент казалось, что это он смотрит на нее снизу вверх.

— Ты сомневаешься в моем слове, лорд Галеан? — спросила она тихо, но ее голос разнесся по всему залу.

— Я сомневаюсь в твоей чести, — нагло ответил он, хотя

в его глазах уже мелькнул страх.

Венетия не изменилась в лице. Она лишь чуть крепче прижала к себе Аурела. Ребенок, почувствовав напряжение, проснулся и издал тихий, недовольный звук.

— Моя честь, — сказала она так же тихо, — теперь честь этого королевства. А честь моего сына — это честь его отца. Золотого Дракона. — Она сделала паузу, и ее взгляд стал ледяным. — Ты сомневаешься в чести своего мертвого короля?

Обвинение было чудовищным. Оспорить честь Повелителя, даже мертвого, было равносильно государственной измене. Лорд Галеан побледнел. Он открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов.

— И поскольку ты так печешься о чистоте крови, — продолжала Венетия, и в ее голосе зазвенела сталь, — взгляни сам.

Она осторожно откинула край мехового одеяльца, в которое был завернут Аурел, и показала его лицо лорду.

Галеан заглянул. И отшатнулся, будто его ударили. Его лицо исказилось от суеверного ужаса. Он увидел разноцветные глаза, увидел переливающуюся чешую. Он увидел не просто ребенка, а чудо и проклятие.

— Это... это... — заикаясь, пробормотал он, указывая на младенца дрожащим пальцем.

— Это — ваш будущий король, — закончила за него Венетия. Она снова укрыла сына и повернулась к застывшему

в молчании Совету. — Единственный наследник двух великих родов. Символ нашего единства и нашей будущей силы. Любой, кто оспорит его право, — она обвела взглядом лица лордов, — оспаривает волю самих гор. И будет считаться предателем.

Она стояла в центре зала, хрупкая, изможденная, но несокрушимая. За ее спиной маячили две враждующие тени — Гекуба и Моринья, невольно ставшие ее опорой. А на руках у нее было живое, дышащее доказательство ее права на власть.

Ропот стих. Сомнения сменились страхом и благоговением. Они смотрели на этого невозможного ребенка и понимали, что старый мир рухнул. И на его руинах рождается новый порядок. И во главе его стоит эта женщина. Мать дракона.

Тронный зал погрузился в гулкую тишину, нарушаемую лишь треском факелов. Лорды и придворные, потрясенные до глубины души, молчали. Демонстрация Аурела была более убедительной, чем любые клятвы или угрозы. Они увидели невозможное, и это лишило их дара речи.

Венетия, воспользовавшись замешательством, сделала последний, решающий ход.

— Я, Венетия из дома Випсания, вдова Повелителя Гор и мать наследника, принимаю на себя бремя регентства до совершеннолетия короля Аурела, — провозгласила она, и ее голос, налитый новообретенной силой, не дрогнул. — Да будет так.

Она не спрашивала их согласия. Она ставила их перед

фактом.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и медленно пошла прочь из зала, направляясь к жилым покоям. Гекуба и Моринья, после секундного колебания, двинулись за ней, как две тени, неотступно следующие за своей новой, непредсказуемой судьбой. Их молчаливое шествие было более красноречивым, чем любая присяга. Это была демонстрация единства, пусть и фальшивого, но в данный момент — неоспоримого.

Толпа расступилась перед ними, склоняя головы. Теперь в их поклонах было не просто почтение. Был страх.

Когда тяжелые двери ее старых покоев закрылись за ними, отсекая шум и взгляды двора, напряжение, державшее Венецию, отпустило ее. Ноги ее подкосились, и если бы не стена, она бы рухнула на пол. Гекуба и Моринья, казалось, не заметили ее слабости. Они были поглощены собственными мыслями.

Комната была такой, какой она ее покинула. Холодной, безупречной, безличной. Но теперь это было не просто место ее заключения. Это был ее командный пункт.

— Ты была... убедительна, — произнесла Гекуба, нарушив тишину. Она подошла к окну и уставилась на ледяные пики. В ее голосе не было похвалы, лишь сухая, неохотная констатация факта. — Но не обманывайся. Это лишь первая битва. Они напуганы. Но страх проходит. А жажда власти — нет.

Она повернулась, и ее ледяной взгляд впился в Венетию.

— Малволио будет плести интриги, прикрываясь законом. Галеан будет подбивать молодых лордов к бунту, играя на их амбициях. Они будут ждать твоей ошибки. Малейшей слабости. И как только ты ее проявишь, они вцепятся тебе в глотку.

В комнату вошла служанка, принеся поднос с вином и водой. Гекуба жестом отослала ее. Она сама налила в кубок воды и протянула его Венетии.

— Пей, — сказала она. — Тебе нужны силы.

Венетия взяла кубок дрожащими руками. Вода была ледяной, и она обожгла пересохшее горло.

— Спасибо, — прошептала она.

— Это не доброта, — тут же отрезала Гекуба. — Это прагматизм. Пока ты носишь на руках моего внука, твоя жизнь — самый ценный ресурс в этом замке. Но запомни, — она подошла ближе, и ее голос упал до низкого, угрожающего шепота, — милосердие — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Галеан оскорбил тебя. Оскорбил кровь моего сына. Этого нельзя прощать. Никогда.

Венетия подняла на нее глаза, и в них отразилось понимание.

— Что вы предлагаете?

— Пока ничего, — на губах Гекубы появилась холодная усмешка. — Пока пусть боится. Пусть ждет наказания. Пусть его страх станет уроком для других. А когда придет время...

мы вырвем этот сорняк с корнем. Тихо. И без свидетелей.

В этот момент заговорила Моринья. Она сидела в кресле, до этого молчаливая и сломленная, но слова Гекубы, казалось, вернули ее к жизни.

— Твои методы стары, как эти горы, Гекуба, — прохрипела она. — Тихо, без свидетелей... Так действуют трусы. Настоящая власть — это огонь, который видят все! Галеана нужно было казнить прямо там, в тронном зале! Чтобы его кровь стала печатью на словах королевы!

— И превратить его в мученика? Дать повод для мятежа его клану? — парировала Гекуба с презрением. — Твоя Алая ярость погубила твоего сына, и она же погубит твоего внука, если ты не научишься думать.

Они снова были готовы броситься друг на друга. Но Венетия, допив воду, поставила кубок на стол с таким громким стуком, что обе женщины вздрогнули и посмотрели на нее.

— Хватит, — сказала она. Ее голос был тих, но в нем была усталость и сталь. — Ваша война мертва. Она лежит на руинах вашего дома. — Она посмотрела на Моринью. — И на руинах вашего. — Она посмотрела на Гекубу. — Теперь есть только одна война — за жизнь и трон моего сына. И в этой войне я — королева. А вы... — она выдержала паузу, глядя им обеим в глаза, — вы — мои советницы. Правая и левая рука. Огонь и лед. Но решать буду я. И мое первое решение — Галеан будет жить. Пока. Пусть его страх работает на нас.

Она говорила с ними так, как никто не смел говорить с

ними десятилетиями. Как с подчиненными.

Гекуба и Моринья смотрели на нее, и в их взглядах смешались ярость, удивление и... тень уважения.

Венетия встала, покачиваясь от слабости.

— А теперь, если вы позволите, мы бы хотели отдохнуть. Я и мой сын.

Она не стала ждать их ухода. Она просто взяла Аурела, который мирно спал, и ушла в спальню, закрыв за собой тяжелую дверь. Она оставила их одних в холодной, неудобной гостиной. Двух старых королев, двух смертельных врагов, которые только что поняли, что в их игре появился новый, непредсказуемый и очень опасный игрок.

Ночь опустилась на Сердце Горы, но сон не шел к Венетии. Она сидела в полумраке своей спальни, в глубоком кресле у окна. Аурел тихо спал в своей колыбели из резного золотого дерева, его дыхание было ровным и спокойным. Дворец за стенами ее покоев затих, погрузившись в тревожную, выжидательную тишину.

Она победила. Сегодня. В этой первой, самой важной битве. Она заставила Совет замолчать. Она поставила на место двух королев-матерей. Она провозгласила себя регентом. Она должна была чувствовать триумф, пьянящее чувство власти.

Но она не чувствовала ничего. Лишь глухую, звенящую пустоту и холод, который, казалось, исходил не от окна, а изнутри ее собственной души.

Она поднялась и, накинув на плечи шелковую шаль, бесшумно вышла из спальни. Она не пошла в гостиную, где, возможно, все еще сидели ее «советницы». Она пошла в другую сторону. Туда, куда ее тянуло с непреодолимой силой.

Она вошла в личный кабинет Випсания. Он был опечатан после его смерти, но она, как регент, имела право войти. Она сама сломала восковую печать и шагнула внутрь.

Время здесь застыло. Все было точно так, как он оставил это в день своего последнего, рокового вылета. На огромном столе из черного дуба лежала развернутая карта Южных Земель, на которой флажками были отмечены позиции войск. Рядом стоял наполовину полный кубок с вином, которое уже выдохлось. На стене висело его личное оружие — не парадный меч, а простой, боевой клинок из темной стали. Воздух был тяжелым, пах пылью, кожей и едва уловимым, призрачным запахом озона — запахом ее мужа.

Она не стала зажигать свечи. Лунный свет, падавший из высокого стрельчатого окна, был достаточно ярок. Она медленно подошла к столу. Ее пальцы дрожали, когда она коснулась поверхности, покрытой тонким слоем пыли. Она провела пальцем по карте, по тому самому маршруту, который привел его к гибели.

Затем она подошла к его креслу. Огромному, вырезанному из цельного куска камня, покрытому шкурой снежного барса. Это был его трон. Не тот, парадный, в главном зале, а настоящий. Место, где он принимал решения, где он был

не богом, а правителем.

Она медленно, почти со страхом, опустилась в него.

Кресло было огромным, холодным. Оно было слишком велико для нее. Ее ноги не доставали до пола. Она почувствовала себя маленькой самозванкой, сидящей на месте гиганта.

Она сидела в его кресле, в его кабинете, в его мире. И она была одна. Абсолютно одна во главе огромного, враждебного королевства. Она не чувствовала ни триумфа, ни страха. Лишь холод. И бесконечное, всепоглощающее одиночество.

Она поняла, что ее старая жизнь окончательно мертва, и обратной дороги нет. Она — королева. Но ее королевство — это тюрьма, ключи от которой она теперь держит сама. И трон, на котором она сидит, — это не символ власти. Это — эшафот, с которого ей придется править, пока ее враги точат свои ножи в темноте.

Глава 4. Прибытие волков

Прошла неделя. Неделя хрупкого, напряженного, как натянутая струна, мира. Сердце Горы медленно приходило в себя после шока. Траурные знамена из черного шелка сменили боевые штандарты на стенах, но атмосфера оставалась гнетущей. Дворец жил в состоянии затишья перед бурей, и все это знали.

Венетия правила. Это слово казалось ей самой странным, почти чужим. Она не сидела на троне. Она почти не покидала своих покоев, которые из тюрьмы превратились в центр паутины. Все ее время было посвящено сыну. Она кормила его, пеленала, часами держала на руках, вслушиваясь в его тихое, горячее дыхание. И в эти моменты она была просто матерью.

Но как только Аурел засыпал, она становилась регентом. К ней приходили советники, военачальники, казначеи. Сначала они шли к Гекубе, по старой привычке, но та, с ледяной непреклонностью, отправляла их к Венетии. «Она — регент. Все решения за ней», — говорила она, и никто не смел оспаривать. Гекуба играла свою роль идеально. Она стала тенью за тронем, ее молчаливое присутствие на советах придавало вес каждому слову Венетии.

Моринья же была ядом. Она жила в роскошных покоях, формально как почетная гостья, а фактически — как залож-

ница. Она не участвовала в управлении, но ее присутствие отравляло воздух. Она была живым напоминанием о расколе, о войне, о том, что кровь наследника нечиста. Венетия чувствовала ее ненависть даже через каменные стены.

В один из таких дней, когда Венетия изучала донесения о состоянии гарнизонов на южных границах, в комнату без стука вошел седой военачальник. Его лицо, обычно непроницаемое, было встревоженным.

— Госпожа! С Севера! Отряд Серебряного Владыки! Они уже у подножия горы! Просят разрешения войти!

Венетия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Аргирос.

Эта новость стала ледяным ветром, пронесшимся по залу и заморозившим кровь в жилах. Армия одного из двух оставшихся братьев-друконов шла к ней. Это не было похоже на дружеский визит или даже на политическое давление. Выглядело скорее, как волк, почуяв кровь, подкрадывается к раненому оленю.

Паника, до этого бывшая глухим, суеверным ужасом, обрела лицо.

Венетия видела, как побледнели даже закаленные в боях гвардейцы. Слуги начали креститься и шептать древние обереги. Страх Венетия перед Аргиросом был рациональным, политическим и оттого, возможно, еще более глубоким. Венетия видела, как старый лорд Малволио побледнел и начал теревить свой посох. Она видела, как лорд Терон сжал кула-

ки, а на его шее вздулась вена. Они боялись не магии Аргироса. Они боялись его ума, легионов и династических претензий.

Аргирос был соперником, который придет править. И для старой гвардии Золотого рода, для всех, кто строил свою власть на верности Випсанию, второе было страшнее. Чудовище можно было попытаться убить. Но как бороться с тем, кто придет с законом на устах и с армией за спиной, предлагая мир и порядок?

— Они окружают нас! — выкрикнул лорд Галеан, чья дерзость сменилась откровенным страхом. — Это конец! Они разорвут нас на части!

— Молчать! — голос Гекубы, сидевшей по правую руку от пустого кресла регента, был подобен треску льда. Она медленно обвела взглядом паникующих лордов. — Они не посмеют атаковать Сердце Горы. Не сейчас. Это не нападение. Это — политика.

Венетия сидела во главе стола, держа на руках спящего Аурела. Она чувствовала, как его маленькое тело излучает жар. Она смотрела на испуганные лица мужчин, которые должны были быть ее опорой, и понимала, что она одна.

— Он идет не воевать, — сказала она, и ее тихий голос заставил всех замолчать. — Аргирос считает, что трон пуст. Что лев умер, и шакалы могут растащить его добычу.

Она встала. Движение было медленным, царственным.

— Но он ошибается. Лев умер, — ее голос дрогнул, но

она тут же взяла себя в руки. — Но он оставил после себя наследника.

Она посмотрела в глаза каждому лорду, каждому советнику.

— Мы встретим их. Не как врагов и не как хозяев. А как равных, пришедших почтить память брата и приветствовать нового короля. Удвойте стражу на стенах, но ворота откройте. Подготовьте гостевые покои. И пусть в главном зале накроют столы. Мы покажем брату короля, что Сердце Горы скорбит, но не сломлено. И что у него есть правитель.

Ее спокойствие и холодная, почти нечеловеческая выдержка подействовали. Паника улеглась, сменившись напряженным, тревожным ожиданием. Лорды разошлись, отдавая приказы.

В зале остались лишь трое.

— Ты поступаешь правильно, — кивнула Гекуба. — Силу нужно показывать не оружием, а достоинством.

— Ты ведешь нас всех в ловушку! — прошипела Моринья из своего угла. — Аргирос убьет твоего сына! Убьет ребенка, а тебя запрет в башне! Нужно было запереть ворота и готовиться к осаде!

— И умереть от голода через полгода? — холодно парировала Венетия, не глядя на нее. — Нет. Мы будем играть в его игру. Но по своим правилам.

Она вышла из зала, оставив двух бывших королей наедине с их страхами и ненавистью. Она шла по гулким коридорам,

и ее шаги отдавались эхом. Она не боялась. Или, вернее, ее страх был настолько велик, что перешел в иное качество — в ледяную, расчетливую ярость. Волки шли к ее логову. И она, волчица, должна была защитить своего волчонка. Любой ценой.

Приход Аргираса был не грохотом лавины, а безмолвным наступлением зимы. Серебряный Владыка не стал врываться во главе ревущей армии. Его отряд — пять сотен воинов в доспехах из полированного серебра, сверкавших даже в тусклом свете высокогорного солнца, — остановился в полумиле от главных ворот. Вперед выехала лишь небольшая делегация: сам Аргирас, его старший советник и дюжина телохранителей, чьи плащи из белого меха сливались со снегом на дальних вершинах.

Венетия наблюдала за его приближением с балкона тронного зала. Она была готова к встрече. На ней было строгое платье из темно-синего бархата, почти черного, — цвет траура и власти. Единственным украшением был тяжелый золотой перстень Випсания с драконьим когтем, который она теперь носила на указательном пальце. Ее волосы были собраны в тугую, сложный узел, открывая высокий лоб и делая ее лицо старше и суровее. Она держала на руках Аурела, завернутого в меха цвета чистого золота, чтобы его кровь была очевидна для всех.

Аргирас спешил к воротам. И первым, что поразило Венетию, был контраст между ним и его репутацией. Она ожида-

ла увидеть копию Випсания — холодного, властного, отстраненного. Но человек, вошедший в главный двор, был другим.

Он был высок и строен, как и все Дети Камня, но его движения были плавными, почти изящными. На нем были не боевые доспехи, а дорожный костюм из серой замши, расшитый серебряной нитью. Длинные, почти до плеч, волосы цвета платины были перехвачены на затылке простым кожаным шнурком, и в них уже отчетливо виднелись серебряные нити седины, которые лишь придавали ему благородства. Но самым поразительным было его лицо. Оно не было холодным. Оно было печальным. Красивое, с тонкими, аристократичными чертами, оно выражало глубокую, искреннюю, как казалось, скорбь. А его глаза... они были не цвета льда, как она ожидала. Они были цвета ясного зимнего неба — светло-голубые, почти прозрачные, и в их глубине читалась мудрость и усталость.

Он не вел себя как завоеватель. Он вел себя как скорбящий брат.

Венетия спустилась в тронный зал, чтобы встретить его, как и подобало хозяйке. Гекуба и Моринья стояли позади нее, как две каменные горгульи.

Аргирос вошел в зал, и его взгляд тут же нашел Венетию. Он не стал осматривать убранство или оценивать лордов, выстроившихся вдоль стен. Он пошел прямо к ней. Он остановился в нескольких шагах, и его голубые глаза наполнились неподдельным, как казалось, сочувствием.

— Сестра, — сказал он тихо, и его голос, чистый и мелодичный, прозвучал в гулкой тишине. Он не назвал ее по имени, а сразу обозначил их новый статус. — Прими мои глубочайшие соболезнования. Весть о гибели Випсания и Лисистрата стала для меня страшным ударом. Потерять двух братьев в один день... — он покачал головой, и на его лице отразилась искренняя боль.

Он говорил, и Венетия слушала, а внутри у нее все холодело. Это был спектакль. Блистательный, безупречно разыгранный спектакль. Она видела, как лорды, до этого напряженные и враждебные, начинают расслабляться. Они видели перед собой не волка, а благородного родственника, пришедшего разделить их горе.

— Я привез дары, — продолжил Аргирос, и по его знаку слуги внесли в зал несколько тяжелых ларцов. — В знак скорби и уважения к памяти моего брата. И... — он сделал паузу, и его взгляд, полный отеческой нежности, опустился на сверток в ее руках, — в знак приветствия его наследнику.

Он подошел ближе.

— Позволишь ли ты дяде взглянуть на своего племянника?

Венетия колебалась, но отказать было бы равносильно объявлению войны. Она медленно, с неохотой, откинула край меха. Аргирос заглянул, и на его лице отразилась глубокая, вселенская печаль.

— Бедное дитя... Рожденный в огне и горе. Какая тяжелая

судьба ему уготована.

Он поднял глаза на Венецию, и в них стояли слезы.

— Он будет нуждаться в защите. В сильной руке, которая направит его.

Это был безупречный спектакль, и Венеция видела, как он действует на ее лордов. Но дальше последовал ход, предназначенный уже не для публики, а для ключевых игроков.

— Я привез дары, — продолжил Аргирос, и по его знаку слуги внесли в зал несколько тяжелых ларцов. — В знак скорби и уважения.

Это не были просто дары. Это были точные, выверенные политические удары. Первые ларцы, открытые перед Советом, были наполнены слитками чистого золота и серебра и бочонками редкого ледяного вина с Севера. Прямой, почти наглый, но эффективный подкуп.

Затем он повернулся к Гекубе.

— Госпожа, — сказал он с глубоким почтением. — Я знаю, что ничто не утешит ваше горе. Но я хотел бы преподнести вам то, что напомнит о былом величии нашего общего дома.

Его слуги развернули огромный, искусно вытканый гобелен. На нем была изображена сцена из древней войны: старый Повелитель, отец Випсания и Аргироса, в облике гигантского дракона, сокрушает армию горных великанов. Это была знаменитая битва, в которой он сражался бок о бок с предком Серебряного рода. Тонкая лесть, напоминание об

их общем прошлом и общем враге. Гекуба молча, холодно кивнула, но Венетия увидела, как дрогнул мускул на ее щеке. Удар достиг цели.

Наконец, он повернулся к Венетии. Для нее было приготовлено два дара.

Первый, публичный, был великолепен. Его слуги внесли колыбель для Аурела, вырезанную из цельного куска белого, почти прозрачного дерева, инкрустированную серебром и усыпанную необработанными лунными камнями.

— Лунный камень оберегает сон младенцев от злых духов и ночных кошмаров, — сказал Аргирос громко, чтобы слышал весь зал. — Пусть сон нашего юного короля будет спокоен.

Публика была в восторге. Какой благородный, заботливый дядя.

Но когда он подошел, чтобы лично передать колыбель под надзор слуг, он на мгновение оказался совсем близко к Венетии.

— И это... лично вам, сестра, — прошептал он, вкладывая ей в ладонь что-то маленькое и холодное.

Она разжала пальцы. На ее ладони лежала брошь. Изящное, ювелирное произведение искусства в виде замерзшей, покрытой инеем серебряной розы. Она была прекрасна. И смертельно опасна. Каждый лепесток был острым, как лезвие, а шипы на стебле были заточены, как иглы.

— Красота должна уметь себя защищать, — прошептал

Аргирос с той же печальной улыбкой, и его взгляд был полон глубокого смысла.

Венетия сжала брошь в руке, и один из шипов больно уколол ее ладонь. Она почувствовала каплю крови. Это был не просто дар. Это было послание. И угроза. И обещание союза. Он предлагал ей красоту, защиту и боль — все в одном.

— Благодарю вас за сочувствие, брат, — ответила Венетия, стараясь, чтобы ее голос звучал так же ровно. — Мы ценим ваш визит. Но Сердце Горы достаточно сильно, чтобы защитить своего короля.

Она сделала акцент на последнем слове.

Аргирос мягко улыбнулся.

— Я в этом не сомневаюсь, сестра. Но даже самой крепкой крепости не помешает верный союзник у стен. Особенно, — он понизил голос, и его взгляд метнулся в сторону южных окон, — когда с другой стороны к ней подбираются тени.

Он говорил о Морфеусе. Он представлял себя не захватчиком, а защитником. Противовесом другой, более страшной угрозе.

Он был опасен. Гораздо опаснее, чем Лисистрат с его яростью или Випсаний с его холодной силой. Аргирос был мастером масок, гением интриги. Он не будет брать трон силой. Он возьмет его уговорами, союзом, он оплетет их своей заботой так, что они и не заметят, как оказались в его серебряной паутине.

Венетия смотрела в его добрые, печальные глаза и видела

за ними холодный, расчетливый блеск зимнего неба. Волк пришел. И он был одет в овечью шкуру.

В то время как серебряная процессия Аргироса въезжала в ворота Сердца Горы, за сотни миль к югу, в мире вечной ночи, происходил другой разговор.

Дворец Морфеуса, второго брата павшего короля, был раой в теле горы, лабиринтом естественных пещер и туннелей, расширенных и углубленных магией теней. Здесь не горели факелы. Стены из черного, как смоль, вулканического стекла, казалось, впитывали любой свет, а единственным источником освещения служили холодные, фосфоресцирующие лишайники, отбрасывавшие на пол призрачные, фиолетовые узоры. Воздух был холодным и пах серой и сырой землей.

В самом сердце этого лабиринта, в огромном зале, где потолок терялся во мраке, стоял трон. Он был вырезан из цельного куска обсидиана и казался не предметом мебели, а сгустком застывшей тьмы. Но на нем никто не сидел.

Морфеус не любил троны. Он предпочитал тени.

Он стоял, прислонившись к стене, и его тонкая, вытянутая фигура почти полностью сливалась с ней. Лишь два его глаза, горевшие ровным, фиолетовым, неживым светом, выдавали его присутствие.

Перед ним, на коленях, стояло существо. Сложно было сказать, было ли оно когда-то человеком. Теперь это была сгорбленная, дрожащая тварь, завернутая в черные лохмо-

тъя, ее лицо было скрыто в тени капюшона.

— Говори, — прошептал Морфеус. Его голос был не громким, но он, казалось, рождался из всех теней в зале одновременно. Он был похож на шорох пепла, на шелест крыльев летучей мыши.

— Они вернулись, Повелитель, — прохрипело существо, не поднимая головы. — Три вдовы. И дитя.

— Дитя, — повторил Морфеус, и в его голосе не было никаких эмоций. — Опиши его.

— Оно... странное, Повелитель. Оно горит. Как золото. И как кровь. Переливается. Глаза... они разные. Народ в страхе. Говорят, это знамение.

Морфеус молчал мгновение.

— А Серебряный Волк?

— Он прибыл. С армией. Он говорит о мире, привез дары. Он вошел во дворец.

Тень, которой был Морфеус, отделилась от стены. Он медленно прошел по залу, его шаги были абсолютно беззвучны.

— Конечно, он говорит о мире, — прошептал он, обращаясь больше к себе, чем к шпиону. — Аргирос всегда говорит о мире, когда точит свой нож.

Он остановился у края пропасти, которая рассекала зал надвое. Из ее глубины поднимались холодные испарения.

— Он думает, что я буду нападать. Что я брошусь на ослабевший улей, как дикий зверь. Он ждет этого. Он хочет этого. Чтобы я стал чудовищем, на фоне которого он будет вы-

глядеть спасителем.

Он медленно повернул свою темную, скрытую в тени голову.

— Они боятся? Там, на вершине?

— Да, Повелитель, — ответил шпион. — Очень боятся.

В темноте сверкнула хищная, безрадостная улыбка.

— Хорошо, — прошептал Морфеус. — Пусть боятся. Пусть Серебряный Волк думает, что он охотник. Пусть он плетет свои интриги, заключает свои союзы. Пусть думает, что загнал добычу в угол. Мы дадим ему время. Мы дадим ему веревку. А когда он накинёт петлю на шею Золотого рода, мы придем. Но не за добычей. А за самим охотником.

Он сделал знак. Тень у его ног шевельнулась, и шпион, вскрикнув, был утащен во мрак.

Морфеус снова повернулся к пропасти. Он был терпелив. Тьма всегда терпелива. Война между золотом и серебром будет долгой и кровавой. И когда они, обессиленные, будут лежать в руинах, придет он. И просто накроет их своей тенью. Без шума.

Первый совет после прибытия Аргироза был назначен на следующий день. Это была его инициатива, обставленная как «необходимость обсудить будущее королевства и обеспечить стабильность». Отказаться было невозможно.

Зал Совета был меньше и строже тронного. Массивный круглый стол из полированного обсидиана занимал почти все пространство, заставляя всех сидящих смотреть друг

другу в глаза. Атмосфера была наэлектризована. Венетия сидела во главе стола, в кресле Випсания. Справа от нее, как несокрушимая скала, сидела Гекуба. Слева — Моринья, чье присутствие здесь было неслыханным нарушением всех традиций, но на котором настояла Венетия, демонстрируя «единство» дома наследника. Напротив них расположился Аргирос, спокойный и невозмутимый, окруженный своими седовласыми советниками. Остальные места занимали лорды Золотого рода, чьи лица были напряжены и полны ожидания.

Венетия держала Аурела на руках. Это было ее право и ее оружие. Присутствие живого наследника, пусть и младенца, меняло все. Он был не просто символом — он был центром власти.

Совет начался с формальностей. Аргирос еще раз выразил соболезнования, говорил о величии павших братьев, о трагедии, постигшей их род. Его речь была безупречна — полная скорби, достоинства и заботы о будущем. Он говорил, и Венетия видела, как напряжение на лицах лордов Золотого рода спадает. Они слышали не врага, а мудрого государственного мужа.

— Но наша скорбь не должна ослеплять нас, — продолжил Аргирос, меняя тон с печального на деловой. — Мир хрупок. На юге точит когти Морфеус, который никогда не отличался верностью клятвам. Горные кланы, как мы уже видели, подняли головы. В королевстве нет сильной руки, и это

— прямая дорога к хаосу и гражданской войне.

Он обвел взглядом всех присутствующих.

— Мы не можем позволить себе роскошь бездействия. Мы должны показать всем нашим врагам и союзникам, что род Дракона един и силен, как никогда.

Лорд Малволио, верховный советник, прокашлялся.

— Что вы предлагаете, ваша светлость?

Аргирос мягко улыбнулся.

— Я предлагаю следовать древним законам. — Он посмотрел прямо на Венетию. — Регентство госпожи Венетии неоспоримо, пока она — мать наследника. Но ее власть, как и власть самого юного короля, должна быть утверждена и признана всеми ветвями нашего рода. Иначе она останется лишь властью над этим замком, а не над всем королевством.

Он выдержал паузу, давая своим словам впитаться.

— Я предлагаю созвать Великий Совет. Здесь, в Сердце Горы. Пусть придут представители всех великих родов — моего, Серебряного, и даже Обсидианового. Пусть они увидят наследника. Пусть присягнут ему на верность. Пусть мы все вместе, единым фронтом, утвердим регентство госпожи Венетии и выработаем общую стратегию защиты наших границ. Это укрепит нашу власть, покажет миру наше единство и лишит Морфеуса всякого повода для агрессии.

Его предложение было гениальным в своей обманчивой простоте. На первый взгляд, он предлагал именно то, чего хотела Венетия, — утвердить ее власть. Но она, как и Гекуба,

видела ловушку.

Великий Совет — это не формальность. Это высший орган власти, который собирался лишь в крайних случаях. Созвать его означало признать, что текущая власть не является абсолютной и нуждается в подтверждении со стороны. Это давало право голоса всем — и союзникам, и врагам. Это превращало ее из полноправной правительницы в одну из сторон на переговорах. А на этих переговорах Аргирос, с его дипломатическим опытом, авторитетом и военной силой, был бы главной фигурой. Он не свергал ее. Он элегантно ставил себя над ней.

— Мудрое предложение, — тут же поддержал его лорд Галеан, который после публичного унижения затаил на Венетию обиду и теперь видел в Аргиросе своего покровителя. — Единство — вот что нам нужно!

— Да, Великий Совет — это единственно верное решение по закону! — подхватил Малволио.

Венетия видела, как лорды, еще вчера боявшиеся ее, начинают склоняться на сторону Аргироса. Его логика была безупречна. Его предложение выглядело как единственно верный путь к миру и стабильности. Отказаться — означало бы проявить слабость, страх, неуверенность в собственных правах. Согласиться — означало добровольно шагнуть в расставленную им серебряную ловушку.

Она посмотрела на Гекубу. Та сидела, сжав губы в тонкую нить, ее глаза метали ледяные молнии. Она понимала все.

Но она молчала, ожидая решения Венеции. Это было ее испытание.

Венеция медленно, успокаивающе, погладила своего сына по теплой, переливающейся спинке. Он был ее единственным козырем. Она подняла глаза на Аргирота.

— Ваше предложение мудро, брат, — сказала она, и ее голос был спокоен, как гладь горного озера. — И я ценю вашу заботу о мире и стабильности.

Она сделала паузу, и все в зале затаили дыхание.

— Великий Совет будет созван. Но не для того, чтобы *утверждать* мое регентство. Оно дано мне по праву крови моего сына и не подлежит обсуждению. Совет будет созван для того, чтобы все великие роды, включая ваш, — она посмотрела ему прямо в глаза, — принесли присягу на верность своему новому королю. И обсудили меры по защите его королевства.

Это был смелый контрудар. Она не отвергла его предложение, но полностью изменила его суть, попытавшись перехватить инициативу.

Аргирот на мгновение замер. Тень досады мелькнула на его лице, но тут же сменилась выражением еще более глубокой, трагической печали. Он не стал спорить. Он сделал ход, который был гораздо тоньше и убийственнее.

— Конечно, сестра, — сказал он своим мягким, полным сочувствия голосом, который, однако, разнесся по всему залу. — Мы все присягнем юному королю. Но... — он сделал

паузу, обводя взглядом напряженные лица лордов, — чтобы присяга была нерушимой, сердца тех, кто ее приносит, должны быть спокойны. Они должны быть уверены в чистоте и неоспоримости крови того, кому они клянутся в верности.

Его взгляд медленно переместился и остановился на Моринье, которая застыла в тени, как разъяренная пантера.

— Присутствие здесь достопочтенной королевы-матери Алого Пика... — он произнес это с безупречной вежливостью, которая была хуже любого оскорбления, — несомненно, делает честь нашему горю. Но оно также... вызывает вопросы.

В зале повисла мертвая тишина. Все поняли, к чему он ведет.

— Великий Совет, — продолжил Аргирос, и его голос был полон мудрой государственной заботы, — должен будет не только присягнуть. Он должен будет официально и окончательно утвердить статус наследника. Раз и навсегда. Провести ритуал Признания Крови. Чтобы ни у кого, — его голубые, печальные глаза вернулись к Венетии, — не осталось и тени сомнения, чья кровь в нем преобладает и ведет его. Благородная кровь Золотого рода... или яростная кровь Алого.

Это был ультиматум. Шантаж, поданный под соусом заботы о законе. Он не оспаривал право Аурела на трон, нет. Он ставил под сомнение его «качество». Он предлагал превратить Великий Совет в публичный суд над природой ее сына. Он знал, что лорды, напуганные смешанной кровью, с

радостью ухватятся за эту возможность, и он, Аргирос, станет верховным арбитром в этом споре.

Венетия смотрела на него и чувствовала, как ледяные тиски сжимаются вокруг ее сердца. Он предлагал ей выбор без выбора. Либо она принимает его правила игры, и он, так уж и быть, «гарантирует», что ритуал Признания пройдет гладко, и Аурела признают «в основном» Золотым. Либо она отказывается, и он превращает ее сына в монстра, в предмет споров и раскола.

— Ваша забота о чистоте наследия похвальна, брат, — сказала она, и ей стоило невероятных усилий, чтобы ее голос не дрожал. — Мы обсудим детали ритуала. Позже.

Она встала, давая понять, что совет окончен. Она проиграла этот раунд. Он не просто отразил ее атаку. Он загнал ее в угол, используя ее самое уязвимое место.

Она вышла из зала, чувствуя на спине его спокойный, победивший взгляд. И она только что поняла, что ее противник видит на десять ходов вперед.

Слова были сказаны. Игра началась. И первый ход остался за Венетией. Но она знала, что это лишь начало партии. И ее противник был невероятно силен.

Глава 5. Серебряный язык

Дни, последовавшие за советом, превратились в тихую, изматывающую войну. Аргирос, формально приняв позицию Венеции, на деле начал медленно и методично плести свою серебряную паутину. Он не спорил и не угрожал. Он очаровывал.

Он проводил долгие часы в беседах с лордами Золотого рода, выслушивая их жалобы, разделяя их страхи, тонко намекая на то, что неопытность молодой регентши в столь смутное время может быть опасна. Он был воплощением мудрости, опыта и стабильности. Венеция видела, как меняются взгляды ее советников. Уважение к ней оставалось, но в их глазах все чаще появлялось сомнение, а во взглядах, обращенных на Аргироса, — надежда.

Он даже сумел найти подход к Моринье. Венеция несколько раз видела их вместе в дальнем крыле дворца — они беседовали у окна, и Аргирос, с его безупречными манерами, говорил с огненной королевой с таким уважением, с такой скорбью о павшем Лисистрате, что даже ее сердце, казалось, начало оттаивать. Он играл на ее ненависти к Гекубе, намекая, что ледяная королева попытается узурпировать всю власть и оттеснить ее от внука.

Лишь Гекуба оставалась неприступной. Она наблюдала за действиями Аргироса с холодным, немигающим презрением

хищника, следящего за другим хищником. Ее молчание было более грозным, чем любые слова.

На третий день Аргирос нанес свой главный удар.

Это случилось утром, в Малой приемной, где Венетия проводила ежедневные аудиенции. Она только что закончила выслушивать отчет капитана гвардии, когда герольд объявил о прибытии Серебряного Владыки.

Аргирос вошел один. На нем был простой, но элегантный костюм из серого шелка, который подчеркивал серебро в его волосах. Он выглядел не как могущественный правитель, а как утонченный аристократ.

— Королева-регент, — сказал он, склоняясь в изящном, но не подобострастном поклоне. — Прошу прощения за вторжение. Могу ли я удостоиться чести поговорить с вами наедине? Есть вопросы, которые не стоит обсуждать при свидетелях.

Просьба была дерзкой. Разговаривать с регентшей наедине, без присутствия членов совета или хотя бы ее фрейлин, было грубым нарушением протокола. Это был вызов.

Прежде чем Венетия успела ответить, из тени, где она сидела, подобно статуе, выступила Гекуба.

— Все вопросы, касающиеся безопасности трона, следует обсуждать в Зале Совета, лорд Аргирос, — ее голос был холоден, как зимний ветер.

С другой стороны, из алькова, где она наблюдала за происходящим, вышла Моринья.

— Мой внук утомился, — заявила она с показной материнской заботой. — Ему и его матери нужен покой, а не ваши бесконечные политические игры.

Они обе, смертельные враги, инстинктивно объединились, чтобы защитить свою территорию. Они не могли позволить Аргиросу остаться с Венетией наедине, получить возможность влиять на нее без их контроля.

Аргирос обвел их взглядом, и на его губах появилась легкая, печальная улыбка.

— Достопочтенные госпожи, — сказал он своим мягким, обезоруживающим голосом. — Я понимаю вашу заботу. Но вопросы, которые я хочу обсудить, касаются не только трона, но и личной безопасности королевы и ее сына. Безопасности, которую, как показали недавние события, не всегда можно обеспечить в стенах этого замка. Я говорю об угрозах извне. От тех, кто не сидит за столом совета.

Это был тонкий, но точный удар. Он намекал на Морфеуса, на внешних врагов, но одновременно сеял сомнение в их, Гекубы и Мориньи, способности защитить Венетию.

Венетия поняла, что это решающий момент. Если она сейчас откажет, она покажет, что боится его. Что она прячется за спинами своих «советниц». Она покажет, что она не самостоятельная фигура, а марионетка. Она должна была принять его вызов.

— Оставьте нас, — сказала она, и ее голос прозвучал на удивление твердо.

Гекуба и Моринья замерли. Они одновременно повернули головы и уставились на нее. В их взглядах читалось недоверие и ярость.

— Венетия... — начала было Гекуба.

— Я сказала, оставьте нас, — повторила она, глядя им прямо в глаза. Она подняла Аурела, который начал беспокойно ворочаться, и передала его в руки подошедшей кормилицы. — Отнесите принца в его покои.

Это был открытый бунт. Она не просто отсылала их. Она забирала у них свой главный козырь — ребенка, лишая их предлога остаться.

На мгновение в комнате повисла звенящая тишина. Гекуба и Моринья смотрели на нее, и в их глазах смешались ярость и холодное недоумение. Они не привыкли, чтобы им приказывали. Особенно эта девчонка.

Первой не выдержала Моринья. Она шагнула к Венетии, и ее лицо исказилось от гнева.

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? — прошипела она. — Ты остаешься наедине с волком, который пришел сожрать твоего ягненка! Я думала, в тебе есть огонь твоего любовника, его инстинкт! Ошиблась. Ты — дочь своего трусливого отца, готовая лечь под любого, кто пообещает тебе безопасность!

Слова были жестоки, но прежде чем Венетия успела ответить, вмешалась Гекуба. Она преградила Моринье путь.

— Замолчи, огненная ведьма, — ее голос был спокоен,

но полон льда. Она посмотрела на Венецию, и в ее взгляде было нечто похожее на разочарованное наставление. — Ты совершаешь фатальную ошибку. Он не волк. Он — змея. Он не съест тебя. Он медленно, кольцо за кольцом, будет душить тебя своей «заботой» и «союзами», пока ты не перестанешь дышать самостоятельно. И когда ты станешь беспомощной куклой в его руках, он съест твоего сына.

Она повернулась к выходу.

— Я уйду, потому что ты — регент. Но когда ты приползешь ко мне, осознав свою ошибку, не жди помощи. Ты сама выбрала свою яму.

Она вышла, не оглядываясь. Моринья бросила на Венецию последний, полный презрения и горького разочарования взгляд, и последовала за ней.

Дверь за ними закрылась. Венеция осталась одна в оглушительной тишине. Она только что, одним решением, превратила своих последних, пусть и ядовитых, союзников во врагов. Она стояла посреди комнаты, и ее охватил острый, пронзительный укол одиночества. Она сама выбрала этот путь. Она сама шагнула в клетку к змею, отослав прочь двух старых дракониц. И теперь она была с ним один на один. Без поддержки. Без свидетелей. Только она и его серебряный язык.

Аргиротос смотрел на нее с новым, неподдельным интересом.

— Вы смелее, чем я думал, сестра, — сказал он тихо. —

Укротить двух драконьих вдов одним словом... Это достойно уважения.

— Я не укрощаю. Я правлю, — холодно ответила Венетия.
— Вы хотели поговорить. Говорите.

Он улыбнулся.

— Не здесь. Стены этого дворца имеют слишком много ушей. Прошу вас составить мне компанию в Саду Внутреннего Отражения. Там, под открытым небом, слова уносит ветер, а не шпионы.

Это была еще одна провокация. Сад был личным убежищем Випсания, местом, куда мало кто имел доступ. Пригласив ее туда, он не просто предлагал нейтральную территорию. Он тонко напоминал ей о ее покойном муже и о том, что он, Аргирос, теперь претендует на его место. Во всем.

Венетия кивнула. Игра становилась все опаснее, и она знала, что у нее нет права на ошибку.

Сад Внутреннего Отражения встретил их холодной, звенящей тишиной. После смерти Випсания это место стало еще более отстраненным, почти нереальным. Серебристые лозалии с их хрустальными каплями-листьями казались застывшими во льду, а зеркальная гладь пруда была подобна листу полированного серебра, в котором отражалось бледное, безразличное небо.

Они шли молча по дорожке из белого щебня, и лишь тихий хруст камней под их ногами нарушал безмолвие. Аргирос не просто шел рядом. Он вел ее. Он подвел ее не к цен-

тру сада, не к скамье, а к тому самому месту у края пруда, где когда-то стоял ее муж во время их первой встречи.

Аргирос остановился на том же самом камне. Он принял почти ту же позу — спиной к ней, глядя на свое отражение в темной, неподвижной воде. На мгновение, в этом обманчивом, призрачном свете, его серебряный силуэт так напомнил ей золотой, что у Венетии перехватило дыхание. Призрак. Он привел ее на встречу с призраком.

— Мой брат часто стоял здесь, — сказал Аргирос, не оборачиваясь. Его голос был тихим, полным печали, и отражался от водной глади. — Он пытался найти в этом отражении ответ, как править миром, полным хаоса и огня. Но он видел лишь себя. Свою силу, свою правоту, свою золотую несокрушимость. — Он медленно повернулся, и его голубые глаза были полны глубокого, почти философского сожаления. — А нужно было видеть врагов. Нужно было видеть тени, что сгустились за его спиной. Его гордость ослепила его.

Венетия молчала, сжав руки в складках платья. Это была искусная, жестокая игра. Он не просто критиковал ее мертвого мужа. Он показывал ей, что он, Аргирос, — другой. Он видит тени. Он не ослеплен гордостью. Он — «улучшенная версия» Випсания.

Он сделал шаг с камня, подходя к ней.

— Он любил это место, — сказал он, и теперь его голос был полон сочувствия уже к ней. — Он находил здесь покой, которого ему так не хватало. Власть — тяжелое бремя, сест-

ра. Она изолирует. Она превращает сердце в камень. Уверен, ты уже начинаешь это чувствовать.

Венетия молчала. Она не собиралась открывать ему свою душу.

Аргирос повернулся к ней. Его лицо было серьезным, а в голубых глазах не было и тени прежней светской любезности.

— Я не буду ходить вокруг да около, Венетия. Наше положение отчаянное. Ты это знаешь. И я это знаю.

Он сделал шаг ближе, и она инстинктивно напряглась.

— Ты провозгласила себя регентом. Ты показала силу и волю. Я восхищен. Но этого недостаточно. Твоя власть держится на двух столпах: на присутствии твоего сына и на поддержке Гекубы. Оба этих столпа могут рухнуть в любой момент.

Его слова были холодными и точными, как скальпель хирурга.

— Ребенок... он уникален. Но именно его уникальность делает его слабым в глазах закона. Он не чистокровный Золотой. Лорды боятся его, но они не будут ему верны. Они ждут лишь повода, чтобы оспорить его право. А Гекуба... сегодня она поддерживает тебя, потому что ты — ее единственный шанс сохранить власть. Но завтра, когда она решит, что ты стала слишком сильной или что есть более выгодный путь, она предаст тебя, не моргнув глазом. Ты для нее — лишь инструмент. Временный.

Он говорил то, что она и сама знала, но слышать это от него было вдвойне мучительно. Он методично разрушал ее хрупкий мир, кирпичик за кирпичиком.

— А теперь о Морфеусе, — его голос стал еще тише, еще серьезнее. — Не обманывайся его молчанием. Он не прислал послов не из-за скорби. Он выжидает. Он ждет, когда мы перегрыземся здесь, во дворце. Он ждет, когда лорды поднимут мятеж. И тогда он придет. Не как завоеватель, а как «миро-творец», чтобы «восстановить порядок». И тогда ни ты, ни твой сын не доживете до утра. Его Обсидиановые драконы не оставляют свидетелей.

Он замолчал, давая ей в полной мере ощутить ледяное дыхание этой угрозы. Затем он сделал легкий, почти незаметный жест головой в сторону северного крыла дворца, где над пропастью чернела одинокая игла Башни Теней.

— Ты думаешь, твоя единственная угроза — снаружи? — прошептал он. — А что ты будешь делать, когда дочери Латоны вырастут и сами смогу стать игроками? Когда их могущественный клан решит использовать их как знамя для мятежа? А Элкмена? Ты думаешь, она будет вечно тихо спать в своих покоях? Она, пьяная и отчаявшаяся, продаст любой секрет этого дворца тому, кто больше заплатит, просто из ненависти к тебе. Твой дворец полон теней, сестра. Теней, которых ты сама пощадила.

Его слова были подобны яду, который проникал в самые потаенные уголки ее страхов. Она действительно пощадила

их. Изолировала а башне теней, оставив тлеть, как угли в золе.

— Я не могу... — прошептала она, сама не понимая, что говорит. — Они... дочери моего мужа...

— Они — угроза твоему сыну, — безжалостно отрезал Аргирос. — И пока ты — одна, твои руки связаны. Любой твой шаг против них будет выглядеть как месть, как тирания. Это лишь усилит твоих врагов.

Он сделал паузу, и его голос стал почти соблазнительным.

— Но наш брак... он даст мне право. Право мужа, защищающего дом своей жены. Право Защитника Трона, устраняющего угрозы. Я смогу навести порядок. Окончательно. Башня Теней станет тем, чем и должна быть — пустой и молчаливой. Я возьму этот грех на себя, сестра. Ради твоего покоя. И ради безопасности нашего короля.

Венетия смотрела на свое отражение в воде — бледное, испуганное лицо. Он был прав. Во всем.

— Что вы предлагаете? — спросила она, и ее голос был едва слышен.

Аргирос подошел еще ближе. Он не коснулся ее, но она чувствовала холод, исходящий от него.

— Я предлагаю тебе не просто союз. Я предлагаю тебе щит. Корону. И будущее. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Стань моей женой, Венетия.

Это не было похоже на страстное признание Лисистрата. Это не было предложением любви. Это было деловое пред-

ложение. Холодное, как сталь.

— Наш брак решит все проблемы разом, — продолжал он, и его голос был спокоен и убедителен, как у торговца, заключающего сделку всей жизни. — Во-первых, он узаконит твою власть окончательно. Ты станешь не просто регентом-вдовой, а правящей королевой, супругой одного из Великих Владык. Никто, даже Малволио, не посмеет оспорить твое слово. Во-вторых, брак защитит твоего сына. Я официально признаю его наследником Золотого трона и стану его защитником. Мое имя и моя армия будут стоять между ним и амбициями Морфеуса. Никто не посмеет тронуть пасынка Серебряного Владыки. И в-третьих, — он сделал паузу, и его голос стал почти вкрадчивым, — это создаст самый могущественный альянс, который когда-либо видели эти горы. Золотой и Серебряный род. Вместе мы будем несокрушимы. Мы сможем не только защититься от Морфеуса, но и диктовать свою волю всему миру.

Он закончил. Его предложение, лишённое всяких эмоций, было чудовищно логичным. Безупречным. Он не предлагал ей счастья. Он предлагал ей выживание и власть.

— Я не прошу тебя забыть Випсания, — добавил он тише, и в его голосе прозвучала тень сочувствия, такая же фальшивая и такая же действенная, как и все остальное. — Я понимаю твою скорбь. Это будет не брак сердец. Это будет союз корон. Союз ради спасения нашего рода. И ради будущего твоего сына.

Он стоял и ждал ее ответа. Он не давил. Он просто изложил факты. Аргирос разложил перед ней на ледяном камне этого сада ее будущее: либо медленная, мучительная гибель в одиночестве, либо спасение и власть — ценой ее свободы, ее независимости, ее верности памяти мужа.

Венетия смотрела на его красивое, печальное, лживое лицо. Она смотрела на свое отражение в воде. И она понимала, что выбора у нее нет. Он загнал ее в угол. И он это знал.

Тишина, повисшая между ними, была тяжелой, как надгробная плита. Ветер тихо звенел хрустальными каплями на серебряных лозалиях, и этот безжизненный, механический звук был единственным аккомпанементом к буре, бушевавшей в душе Венетии.

Его предложение было не просто сделкой. Это была капитуляция. Он предлагал ей спасение, но ценой этого спасения была она сама. Ее воля. Ее независимость, за которую она только что начала так отчаянно бороться. Стать его женой означало снова стать второй. Снова уйти в тень мужчины, дракона, повелителя. Он говорил о союзе корон, но она прекрасно понимала, что в этом союзе ее золотая корона всегда будет лишь тусклым отражением его, серебряной.

Мысль о новом браке была отвратительна. Она только что потеряла и мужа, и любовника. Их призраки все еще стояли у нее за плечами. И теперь ей предлагают лечь в постель с третьим. С тем, кто был врагом ее мужа, пусть и скрытым. С тем, кто смотрел на нее сейчас с фальшивым сочувствием, а

в душе видел лишь ступеньку к трону Випсания.

Нет.

Это слово прозвучало в ее голове так громко и отчетливо. Нет. Она не для того выжила в огне и под обломками, не для того объявила себя регентом, чтобы теперь вот так просто отдать свою власть этому серебряному волку.

— Ваше предложение... щедро, — сказала она, и ее голос был холоден, как вода в пруду у их ног. Она заставила себя поднять глаза и посмотреть ему прямо в лицо. — Но мой ответ — нет.

Аргирос не вздрогнул. На его лице не отразилось ни удивления, ни разочарования. Он ожидал этого. Он был готов к этому. Он лишь слегка склонил голову, и в его голубых глазах появилось выражение глубокой, отеческой печали.

— Ты ослеплена горем, сестра. И гордыней, — сказал он мягко. — Ты не видишь пропасти у своих ног. Ты думаешь, что можешь править одна, опираясь на двух старых ведьм, которые ненавидят друг друга больше, чем любого врага. Это иллюзия.

— Это мой путь, — отрезала она. — И я пройду его сама. Мой сын — единственный наследник Золотого трона. И я — его единственная защитница. Нам не нужны... опекуны.

— Ошибаешься, — его голос стал жестче, в нем прорезались стальные нотки. — Вам нужен щит. Потому что стрелы уже летят. — Он сделал шаг к ней, и его тень упала на нее. — Скажи мне, Венетия, что ты будешь делать, когда лорд

Галеан поднимет свой клан, объявив твоего сына бастардом? Что ты будешь делать, когда половина Совета откажется подчиняться приказам женщины, которую они презирают? Что ты будешь делать, когда дозорные зажгут огни, сообщая, что армия Морфеуса перешла границу? Ты будешь молиться? Ты будешь посылать против его драконов-призраков свою горстку гвардейцев?

Он говорил, и каждое его слово было ударом, разрушающим ее хрупкую уверенность. Она знала, что он прав. Она знала, что ее власть — это карточный домик, который может рухнуть от любого порыва ветра.

— У меня есть Гекуба, — слабо возразила она. — У нее есть верные ей войска.

Аргирос горько усмехнулся.

— У Гекубы есть только Гекуба. Сегодня ты ей нужна. А завтра, когда она найдет способ избавиться от тебя и стать регентом сама, она вонзит тебе нож в спину. Неужели ты настолько наивна? Ты для нее — невестка, которую она никогда не хотела. Чужачка, родившая нечистокровного наследника. Она терпит тебя. Но она никогда не будет тебе верна.

Аргирос был безжалостен. Он вскрывал все ее страхи, все ее сомнения, и выставлял их на холодный, безжалостный свет.

— Я предлагаю тебе не клетку, Венеция, — сказал он, и его голос снова стал мягким, почти вкрадчивым. — Я предлагаю тебе половину трона. Ты останешься королевой. Твой

сын останется наследником. Но рядом с тобой будет стоять сила, которую никто в этом мире не посмеет оспорить. Ты сохранишь все, что имеешь, и получишь то, чего у тебя никогда не будет в одиночку — безопасность.

Он протянул ей руку. Его ладонь была бледной, с длинными, аристократичными пальцами. На одном из них сверкал тяжелый серебряный перстень с лунным камнем.

— Подумай, королева. Не о своей гордости. Не о своей скорби. Подумай о нем. — Его взгляд опустился на ее живот, хотя она и не была больше беременна, но жест был понятен. — Подумай о мальчике, который спит сейчас в своей колыбели. Ты хочешь, чтобы он вырос в мире, где каждый день ему грозит кинжал из-за угла? Чтобы он взошел на трон, шатаясь от гражданской войны? Или ты хочешь, чтобы он рос в мире и силе, под защитой двух великих родов?

Она смотрела на его протянутую руку. Это была рука друга и рука врага. Рука спасителя и рука тюремщика. Она понимала, что, коснувшись ее, она навсегда потеряет свою свободу. Но, отказавшись, она, скорее всего, потеряет жизнь — свою и своего сына.

Она вспомнила тело Лидии, лежащее на холодном полу. Вспомнила крики людей в катакомбах, раздающиеся под рев драконов над головой. Она не хотела больше войны. Она была смертельно от нее устала.

Медленно, очень медленно, она подняла свою руку. Пальцы ее дрожали. На мгновение она замерла, ее рука висела в

воздухе между ними. Затем она вложила свою ладонь в его.

Его пальцы тут же сомкнулись, и их хватка была сильной и холодной, как стальной капкан. Но он не просто пожал ей руку. Он медленно, с собственническим, почти ритуальным жестом, поднес ее руку к своим губам.

Венетия инстинктивно напряглась, ожидая поцелуя. Но его губы коснулись не ее кожи.

Он поцеловал тяжелый золотой перстень Випсания с драконьим когтем, который она все еще носила на пальце. Его губы, холодные, как лед, на мгновение прижались к золоту — символу власти ее покойного мужа, символу ее регентства.

— Хороший выбор, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза поверх ее руки. Его дыхание было прохладным, безжизненным. — Золото и серебро. Прекрасный сплав.

В этом жесте, в этих словах было все. Он целовал не ее. Он целовал ее власть, ее статус, наследие ее мужа, которое он теперь получал в свое полное распоряжение. Он не брал ее в жены, а поглощал ее королевство.

Аргирос отпустил руку своей невесты. На том месте, где его губы коснулись кольца, остался холодок, который, казалось, проникал до самой кости.

— Ты сделала мудрый выбор, моя королева, — сказал он, и на его лице снова появилась маска печального благородства.

Она смотрела в его голубые, как зимнее небо, глаза и по-

нимала, что только что продала свою душу дьяволу. Но она сделала это, чтобы спасти своего сына. И в этот момент она не знала, было ли это ее величайшей жертвой или ее самым страшным предательством. Прикосновение зимы было ощутимым. И она знала, что оттепели уже не будет.

Глава 6. Ярость матерей

Гекуба

Тишина. В ее покоях всегда царила тишина. Не пустая, а весома, наполненная тяжестью принятых решений и холодом невысказанных угроз. Но сегодня эта тишина казалась Гекубе оглушающей. Она не могла найти себе места.

Весть, принесенная ее шпионом, была подобна яду, медленно растекающемуся по венам. Венетия согласилась. Эта девчонка, эта выскочка, которую ее сын притащил в их мир, согласилась отдать трон и себя в руки их извечного врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.